

Андрей Левицкий

ВЫБОР ОРУЖИЯ

Апокалипсис-СТ

Андрей Левицкий

Выбор оружия

«Автор»

2007

Левицкий А. Ю.

Выбор оружия / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2007 — (Апокалипсис-СТ)

Хорошо вооруженная группа бывалых сталкеров отправляется на поиски легендарного поля артефактов и пропадает где-то под Чернобылем. Хабар, который должна добыть экспедиция, сулит гигантскую прибыль – поэтому два наемника, бывший десантник и лучший в Зоне специалист по артефактам, соглашаются отыскать пропавших.

© Левицкий А. Ю., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Левицкий

Выбор оружия

Часть I

ПОГОНИ И ПЕРЕСТРЕЛКИ

Глава 1

Группа Медведя пропала где-то в районе Чернобыля. А ведь экипированы они были хорошо, взяли стволы, запасы и оборудование, да к тому же все семеро – парни тертые, в Зоне не первый год. Но – исчезли вместе с самим Медведем, который считался чуть не лучшим сталкером по эту сторону Припяти.

– А ну, проверь еще раз, – сказал я. – Точно два сигнала идут?

Мы лежали в кустах на склоне, внизу были развалины, покосившийся одноэтажный домик и водонапорная башня. Дальше – Чернобыль, за ним – широкая гладь Припяти. Город стоял на крутом берегу. Противоположный, пологий, летом зарастал буйной зеленью, но сейчас там все коричневое, рыжее и желто-красное: палая листва, земля да голые деревья. И синеют мелкие речушки, которые от Припяти начало берут. Песчанка, Рачья, Старик, Камышовая... Жаль, отсюда баржи не видно. Хорошая там баржа, большая, мощная, – я слышал, ее стали вместо паромов использовать еще до второй аварии, когда понадобилось многотонные грузовики, части башенных кранов и броневики через реку перевозить.

Пригоршня, мой напарник, вновь отдернул рукав. Я терпеть не могу таскать ПДА на запястье, ведь портативный компьютер, включенный в систему местного позиционирования, ясное дело, куда больше и тяжелее обычных часов. Это меня раздражает, все время кажется: что-то прицепилось к кисти, поэтому я почти всегда ношу ПДА в кармане рюкзака.

Напарник включил карту, пригляделся к небольшому прямоугольному экрану и сказал:

– Точно, двое внизу. И датчик движения молчит. Прямо там они, Химик, под этим холмом лежат. Почему ты их не видишь?

И вправду – почему? Никого у подножия холма нет. И тишина стоит, как ночью в морге: глухая, мертвая. Приподнявшись, я повел биноклем из стороны в сторону. Водонапорная башня, почти целый одноэтажный домик, деревья, руины, старый военный грузовик, просевший на левый борт... Раньше в таких частенько солдат возили, но последнее время что-то не видно их – на ходу, во всяком случае. Может, он еще работает, вдруг даже бензин в баке есть? Хотя нет, вряд ли...

Надо бы закурить. Я уже собрался расстегнуть клапан нагрудного кармана, но в последний момент передумал. Нет, позже, слишком уж обстановка неопределенная. Закуривать следует не торопясь, с удовольствием, после того как закончишь какое-нибудь важное дело – а сейчас оно только начинается.

– Ну что, Химик? – спросил Пригоршня. – Как там?

И тут взгляд поймал что-то необычное в траве. Точнее, для Зоны – как раз обычное, вернее, привычное.

– Так, одного вижу, – сказал я. – Справа от башни. Шмотки на нем темно-зеленые, потому трудно заметить. Но что-то с ним не так.

Оторвавшись от бинокля, покосился на Пригоршню. Он безразлично кивнул.

– «Не так» – мертвец, значит? Ну да, метки это и показывают...

Две неподвижные красные метки появились на экранах наших ПДА около пятнадцати минут назад, когда мы уже подходили к холму. Район Чернобыля один из самых пакостных, сталкеры не любят сюда забредать, потому что тут компы работают ужасно. Создается впечатление, что вся область накрыта какой-то аномалией, принципиально от других отличной: для людей вроде и безвредная, но сбивающая работу электроники и глушащая связь. Не всегда и поймешь, что компьютер показывает, цвет метки, которая обозначает высшую органику вроде человека, может меняться с зеленого на красный и обратно, будто носитель ПДА беспрерывно то умирает, то воскресает; или она вдруг погаснет, а через минуту возникнет вновь, но уже на километр в стороне...

– Но это не Медведь, точно, – сказал напарник. – Обычный сигнал, без всяких этих... добавок.

Я кивнул. Курильщик, наш постоянный скупщик, снабдил Медведя оборудованием для экспедиции и сосватал семерых своих парней. За это Медведь пообещал половину добычи. Но Курильщик не настолько сталкеру доверял, чтобы так просто отпустить, даже если его ребята будут Медведя сопровождать. Приборы, оружие, припасы – все это денег стоит. Ведь Медведь, после того как выбрался из той передряги с зомби – большая группа, по его словам, напала на него в центре Чернобыля, – дополз до бара в одних штанах и рваной майке, израненный... Девки, которые в баре работают, его выходили, а это тоже затраты: кормежка, лекарства, бинты. Теперь получалось, даже одежда, в которой Медведь на дело отправился, – и та скупщику принадлежит. В общем, Курильщик был заинтересован в том, чтобы экспедиция, во-первых, вернулась, во-вторых – с хабаром. Помимо того что он приличные средства вложил, тут еще и очень большой куш намечался. Ведь Медведь собрался отыскать не что-нибудь, а поле артефактов, про которое в Зоне давно слухи ходили. Клялся, божился, что видел его, когда от зомби спасался, что где-то там поле, возле Припяти, и он найдет его опять, обязательно...

Курильщик, конечно, ухватил быка за рога и сторговал с Медведя половину ожидаемого барыша, хотя сталкер поначалу предлагал лишь десять процентов. Мы с Пригоршней другим делом занимались, поэтому с ними не пошли. Артефакты – моя специальность, я бы к Медведю точно в попутчики навязался, отшив кого-нибудь из людей Курильщика, ну и напарник за мной бы пошел, куда ж он денется... Но не вышло. Когда мы в баре оказались, скупщик уже извелся весь: Медведь на связь не выходит, парни его тоже, идите, Химик с Пригоршней, отыщите их непременно, я вам доверяю, вы свои в доску, бывалые, пройдете там, где эти семеро не прошли... А как он стонал, как горевал, когда я сказал, что меньше чем за половину от его половины мы с места не сдвинемся. Потом ругаться начал, обзывал нас нехорошими словами, но – делать нечего, сдался.

По самым скромным подсчетам, добытое с поля артефактов можно было продать за четверть миллиона, и потому в ПДА, который Курильщик дал лично Медведю, тайно от сталкера была добавлена особая микросхемка, маячок, который вводил в метку дополнительную гармонику. Обычный ПДА не сообщает окружающим о том, кто его владелец, лишь сигнализирует, что кто-то находится неподалеку, плюс, если владелец погибает, посылает соответствующий импульс. Но теперь по компьютеру Медведя можно было определить, что это именно он.

Хотя сигналов его ПДА мы как раз и не видели. Зато видели два других...

Сняв свою ковбойскую шляпу, Пригоршня перевернулся на спину и стал глядеть в низкое осеннее небо. Напарник – белобрысый, на лбу у него шрам, оставшийся от плохо обработанной раны, с шестью красноватыми точками – следами скобок.

– Ну что? – в который раз спросил он, но я не отреагировал. Он молодой еще и оттого суетливый, энергичный чересчур. А в Зоне надо знать, когда нестись со всех ног, стреляя куда ни попадя, а когда окаменеть и не дышать, наблюдая за окружающим. Сейчас вот как раз второй случай: есть там кто-то, в развалинах, или нет? В этих, мать их, руинах?

– Труп один, а сигнала два. Значит, ищи второго.

Я кивнул. Датчик движения молчал, и я тоже не видел, чтобы внизу кто-то перемещался. Надо встать и спуститься наконец, но что-то меня удерживало.

– Идем уже, Химик. Задолбался я тут лежать.

– Ну елки-палки, какой же ты беспокойный! – в сердцах проворчал я. – Помолчи немного, я рекогносцировку произвожу.

– Что? – заинтересовался он, приподнимая голову. – Что ты производишь?

Я лишь поморщился в ответ. Образования ему явно не хватает. Я в Зоне проще мыслить стал, да и речь изменилась, огрубела. Но все же я, так сказать, интеллигент, на химфаке учился, а напарника сразу после школы в армию загребли, где он в десантники попал. Поднатаскали там, конечно. Говорил, даже в горячих точках бывал. С тех пор сноровка никуда не делась и уже не раз нам жизнь спасала.

Надо идти, вроде спокойно. Хотя почему сигнала два, а тело одно? Непонятно...

А это еще что такое? Я поднялся на колени, да так резко, что Пригоршня забеспокоился.

– Что? Что там, Химик?

На полутораметровой высоте спиной к башне висел человек. Я бы не так удивился, если бы из его живота торчал, скажем, лом, которым какой-то силач пробил и тело, и кирпичную кладку, – но нет, он просто висел там, словно насекомое, прилипшее к мухоловке на люстре.

Опустив бинокль, я глянул на Пригоршню. Он уже стоял на коленях рядом, чуть подавшись вперед, склонив голову и уперев приклад в плечо. Ствол плавно двигался из стороны в сторону. У напарника не простое оружие, а целый «автоматно-гранатометный комплекс» под названием «Гроза», который можно и в штурмовой автомат, и в карабин, и в гранатомет превратить, причем из первого в последний – всего лишь с помощью простого переключателя. На левом боку под мышкой висел компактный «Кипарис», правда, со сломанным лазерным целеуказателем, а на ремне справа – «беретта».

– Что там? – напряженно спросил он, не опуская «Грозу».

– Человек на башне висит, – пояснил я.

– А! – выдохнул Пригоршня после паузы. – Вижу. Так это ж мертвец!

– Ну да, – согласился я. – Мертвец, однако.

– Тю! Ты сказал: «висит». Я думал, повис, держится за что-то, а он... Чем это его пригвоздили, не разберу?

Он опустил автомат и сел, поджав ноги. Вопросительно посмотрел на меня. Трупы для Зоны – обычное дело, нет в этом ничего удивительного. Я понимал, почему напарник торопится: не только из-за природной суетливости, но и потому, что надо бы все осмотреть до темноты и валить отсюда побыстрее.

– Так, ладно, – сказал я. – Хрен с тобой, идем.

Он тут же вскочил. Я тоже поднялся; мы начали спускаться, осторожно, не отрывая взгляда от дома, развалин и башни. Она пострадала не так сильно, как здания рядом, крышу только снесло, видны покореженные балки. Но, в общем, почти целая, и двери закрыты, возможно, даже заперты.

– Чего ты такой нервный всю дорогу?

Сделав еще несколько шагов, я ответил:

– Дело гнилое какое-то.

– Почему вдруг? Попали люди в передрыгу, надо помочь... Ну и самим заработать слегка...

«Слегка»... Мы рассчитывали, если все сладится, поднять на этой операции тысяч сто. И по моим, и по напарника меркам – огромная сумма, в жизни мы такой не видели. Хватило бы на «вездеход-броневичок универсальный», о котором Пригоршня давно мечтал, и еще осталось бы.

– Так что гнилого? – повторил он.

Мы шли медленно, подняв оружие. У подножия холма по-прежнему ничего не шевелилось, вообще никакого движения не было.

– С чего это Медведь тогда к бару не со стороны Чернобыля вышел, а от Свалки? – спросил я.

– Ну, плутал, наверно... Он же едва на ногах стоял и соображал плохо из-за яда ржавых волос.

– Плутал... Ладно, а у тебя еще такой вопрос не возник: почему Медведь толком не запомнил, где поле артефактов расположено?

– Возник. И у Курильщика возник. Он мне говорил, что спрашивал у Медведя.

– Да что ты? Экий проникательный мужик наш Курильщик... И что Медведь ответил?

– Сказал: в полубреду был, когда от зомби уходил, они ж Медведя потрепать успели, а еще он в заросли ржавых волос попал, и те его искушали. Девчонки в баре мне сказали, он и вправду весь красный был, в сыпи и волдырях. Это не считая ран и ссадин. Мучился очень первые дни, потом только оклемался.

Мы спустились до середины склона. Я роста среднего, а Пригоршня почти на голову меня выше, так что ему лучше было видно. Но и я никаких опасностей не замечал. Ровный луг внизу, остатки сараев, башня с домиком и грузовик. И все. И никаких проблем. Однако когда мы уже две трети расстояния до цели миновали, меня вдруг продрало – будто невидимые пальцы с длинными ногтями прошли по телу, сверху вниз. Я чуть не вскрикнул.

– Ты чё? – прошептал Пригоршня, когда я резко остановился, слепо водя перед собой стволом автомата.

– Не чёкай! – почти рявкнул я. – Там что-то есть.

– Та ну, брось. Нема ничего.

Не спрашивая разрешения, он снял с моего пояса бинокль и осмотрелся.

– Ага, пусто, – заключил Пригоршня через некоторое время.

У меня на поясе много сумок да еще два контейнера особых, побольше и поменьше. Пока я доставал гайку с куском бинта на ней, бинокль поднялся выше: напарник глядел поверх чернобыльских домов на Припять.

– Баржа стоит, – пробормотал он. – Вот объясни мне, Андрюха, чего она там стоит?

Пригоршня – единственный в Зоне, кто знает мое настоящее имя: Андрей Нечаев. Раньше еще Иван Пистолет знал да Витя Сумасшедший Кулак, скупщики из самых первых, кто здесь обосновался. Но давно нет их, один застрелился, а второй сбрендил.

– Стой, молчи, – велел я, примерился и швырнул гайку к подножию башни. И потом, левее, вторую, а после и третью – но уже правее, в сторону неподвижного тела в траве.

Нет, ничего там не было. Гайки упали нормально, и траектория тоже у всех была обычная. Так в чем дело? Я даже присел на корточки, потому что тошнить начало, внутренности скрутило. И знобит, пальцы на автомате чуть дрожат.

– Да что с тобой, Химик? – спросил Пригоршня, наконец преисполняясь серьезности. – Вправду прихватило? Но ведь пусто там, точно говорю! Трупы эти... так что – трупы? У Курильщика вон в баре под люстрой скелет висит. Это не показатель.

Я осторожно выпрямился, не сводя глаз с участка внизу. Бывало, предчувствия меня обманывали. Или заболеваю? Простудился, шастая по осеннему лесу да ползая брюхом по голой земле... И все же я топтался на одном месте, продолжая рыскать взглядом по окрестностям, пока напарник не взмолился:

– Слушай, Химик, мы так три дня спускаться будем. Ну сколько можно? Мы б уже нашли того Медведя или поле это, на нычке у Курильщика сидели бы и водку пили...

Это он, конечно, загнул: до бара топать и топать, и к завтрашнему утру не успели бы. Не говоря о том, что где Медведь – вообще-то до сих пор не ясно, мы его, может, два дня

тут разыскивать будем. Но, пожалуй, я таки чересчур осторожен. Надо идти, тем более что отпустило вроде, не тошнит и озноб прошел.

Я сказал:

– А знаешь, не верю я ни в какие артефактные поля.

– Как? Как не веришь? – забеспокоился он.

– Да нет их, скорее всего, легенды это, понимаешь? Любое такое... такое место, – я взмахнул рукой, – вот типа Зоны – легендами быстро обрастает да суевериями всякими. Потому что жизнь наша зависит не только от умения и осторожности, но и от форта. Отсюда и сказки всякие про поле артефактов, Хозяев Зоны, Черного Сталкера, Монолит...

– Монолит – не сказка, – возразил он обиженно. – Скажешь тоже. Что, и Доктор, потвоему, сказочка? И Хозяева Зоны – они точно есть!

– Конечно, Доктор не сказка, он вон скольких вылечил. Да я его и видел один раз. Но остальное... А, ладно, что с тобой спорить, с неучем!

Грузовик стоял к нам задом, к развалинам передом. Зеленый тент, зеленая кабина. Краска облупилась, вся в трещинах и рыжих пятнах ржавчины, дверца водительская приоткрыта. Мы прошли мимо, на всякий случай заглянув внутрь. Никого, ясное дело, хотя я не удивился бы, обнаружив зомби или просто скелет водилы в фуражке и с кобурой на боку, сжимающий баранку костяными пальцами. Зато возле переднего колеса лежали человеческие кости и два черепа, один – смятый, почти раздавленный.

Даже птицы здесь не чирикали и мухи не жужжали. Дойдя до башни, мы осмотрели висящее тело.

– Койот, – сказал Пригоршня.

Это и вправду был он – тощий рыжеватый сталкер с веснушчатым лицом. Висел, как Буратино в комнате у Карабаса Барабаса: голова свесилась на грудь, конечности безвольно повисли. Лицо искажено, словно перед самой смертью что-то напугало Койота... напугало до смерти. На правом запястье виден ПДА, а на земле под телом мокрая лужа. Никита шагнул ближе, осторожно ухватил за ботинок и потянул.

И тут же отскочил: с глухим чмоканьем Койот отлепился от кладки и рухнул под башней.

Напарник засопел и сплюнул в траву. Спина мертвеца потекла, будто сливочное масло на жаре – там что-то поблескивало и булькало, мягко подрагивало...

Мы быстро попятимся от тела, потому что, как только оно упало, вокруг начал распространяться специфический сладковатый запах.

– Ты раньше видел такое? – спросил Никита почему-то шепотом.

Я мотнул головой:

– Нет. Но ткани так не должны разлагаться, это бред.

Все еще пятась, мы прошли мимо закрытой двери постройки и только тогда повернулись к мертвецу спинами. Койота я почти не знал, встречался несколько раз у Курильщика – сталкер как сталкер, обычный бродяга Зоны. Но на душе все равно не по себе стало, муторно как-то. Вот был человек – и не стало, причем умер страшной смертью, судя по искаженному лицу. Его ПДА будет давать сигнал, пока не разрядится, а после метка погаснет вслед за человеческой жизнью.

– Что-то мне на другого и смотреть теперь неохота, – признался напарник.

Все же мы подошли ко второму телу и стали молча разглядывать труп. Тут уж нельзя было сказать, испытывал ли покойный перед смертью такой же ужас, как Койот, или нет. Потому что лицо его, как и все тело, было не то объедено, не то наполовину растворено какой-то кислотой. Кожа слезла лоскутами, клочья одежды ввелись в плоть, будто смешавшись с нею. Целыми остались лишь ремень с пряжкой, которая блестела, словно только что начищенная, ботинки, кобура и ПДА на запястье, напоминавшем красно-бурую палку.

– Узнаешь его? – спросил Пригоршня.

– Нет.

– Наверно, тоже кто-то из ребят Курильщика. Ладно, ты постой, а я в доме погляжу.

Чуть пригнувшись, он пошел к одноэтажному домику. Движения напарника изменились, стали вкрадчивыми, сдержанными и выверенными. Ноги в армейских ботинках бесшумно касались земли – и не верится, что этот здоровяк может так передвигаться. «Грозу» Никита повесил за спину, достал «Кипарис» и выставил его перед собой, сжимая обеими руками. У меня самого только «пээм» в кобуре, да еще «калаш», надо наконец что-то покруче приобрести... Хорошее все же оружие эта «Гроза». И дорогое, но я денег не жалел, потому что теперь чувствую себя рядом с напарником в безопасности. Ну, относительно, настолько, насколько это вообще возможно в Зоне.

Перед приоткрытой дверью он остановился, прислушиваясь, затем толкнул ее стволом, присев, качнулся вперед. Глянул на меня, махнул рукой и исчез внутри. Я ждал, отойдя от труп, изучая руины и грузовик.

Пригоршня появился вскоре – «Кипарис» под мышкой висит, длинные руки расслабленно вдоль тела покачиваются. Улыбнулся краем губ. Ну и хорошо, раз так. Пока он ко мне шел, я опустил ствол и присел на корточки. Все-таки, невзирая на его суетливость, лучшего напарника мне не сыскать. Мы с Пригоршней уже больше года по Зоне ходим и за это время стали друзьями, причем дружба наша такого рода, когда я на него, а он на меня можем положиться во всем. Я знаю – он прикроет. Он знает – я не кину, поделюсь барышом по-братски. Он стрелок, а я... я химик. Нет, стрелять я, конечно, тоже умею, но, вообще-то, из меня боец не самый крутой. У меня, слава Черному Сталкеру, другие достоинства имеются.

– Око там, – сказал он, проходя мимо. – А больше ничего нет. Я к нему боюсь подходить, ну его. Ты сам давай, я пока осмотрюсь еще.

И направился вокруг башни, шелестя травой.

А я растерянно спросил вслед:

– Око?

Он не обернулся – должно быть, про себя наслаждался произведенным эффектом.

Око! Редкая штукавина. И дорогая очень. Но я все равно продавать его не буду, для других дел пригодится... Стоп. Не дели шкуру недобытого артефакта, плохая примета.

Я вошел в дом. Наверное, здесь раньше какой-нибудь сторож жил. Вроде смотрителя маяка, только этот за водонапорной башней приглядывал. Теперь, конечно, давно нет никого: места вокруг глухие, дикие, в одиночку тут только зомби да контролеры шастают. Комната пустая совсем, лишь в углу обломки стула и проржавевшее ведро. На стенах еще остались куски обоев, а штукатурка с потолка вся обвалилась, drank видна.

На середине комнаты, где-то в метре над полом, висел блеклый зелено-синий овал размером с кулак, формой и вправду слегка на глаз похожий. Полупрозрачный, в центре – густой, а по краям разреженный, так что сквозь него противоположная стена просвечивала. Состоял он из чего-то полуматериального: вроде и вещество там, а вроде и энергия. Я обошел его, почти касаясь плечом стен. Счетчик Гейгера молчал. Воздух чуть дрожал, артефакт был окружен шаром едва заметного мерцания, в котором иногда плясали искорки. Сощурившись, я присел на корточки. Ну надо же: окутавшее око пуховое облачко имело «ножку», напоминая проросший из пола огромный одуванчик.

Когда я приблизился к артефакту, услышал едва уловимое жужжание – не жужжание даже, а зудение, как бы свист с тонким дребезжанием. Снимая с пояса контейнер, шагнул ближе, потом еще ближе и наконец оказался прямо возле ока. Оно висело на высоте поясницы, я наклонился, заглядывая в центр. И увидел там, вполне четко, картину: землянка в окружении густых зарослей, рядом костерок горит, перед ним сидит на корточках мужик в камуфляжной куртке. Две короткие рогаины, железный прут, котелок... Незнакомец помешивал в нем палочкой. Я видел все это с высоты метра три. Голова вдруг поднялась, резко повернулась –

влево, вправо, а после мужик уставился вверх, прямо на меня, так что я даже отпрянул, узнав Хемуля, известного в наших краях сталкера. Хемуль тоже отпрянул, повалился на спину, дрыгнув ногами и зацепив котелок. Дальше я плохо разобрал, но, кажется, один конец стержня вывернулся из рогатины, и котелок опрокинулся в костер. Звуков слышно не было; картинка внутри артефакта побледнела, будто ее заволокло серым паром. Последнее, что я увидел, – высунувшийся откуда-то сбоку Хемуль с пистолетом, из которого он принялся палить в небо. Я отшатнулся: на мгновение показалось, что сейчас он залепит мне прямо в лоб. Но ничего не произошло, пули из ока в потолок не вылетели. Зато когда я посмотрел вновь, картинка исчезла.

Вот такие дела. Интересно, там над ним тоже око висело, которое Хемуль раньше не замечал? Ведь наверняка что-то было, не пустого же воздуха он испугался... Надо, когда встретимся, напомнить про этот случай и спросить, что он видел.

Так или иначе, мне око ничем не угрожало, и я, став смелее, отстегнул от ремня фиксатор контейнера. Плотная пригнанная крышка тяжело сдвинулась в пазах, обнажив металлическое нутро. Я подвел контейнер под око и поднял, так что оно оказалось внутри. Придерживая снизу одной рукой, второй закрыл крышку. Шагнул назад.

Око проплыло сквозь стенку.

Черт! Я постоял, растерянно пялясь на него. Нет, на самом деле оно никуда не плыло, а висело себе по-прежнему на одном месте... Или все же сдвинулось немного? Точно – сместилось слегка, а теперь вот обратно возвращается, качаясь, как головка цветка на стебле... И что делать? Немного отступив, я вновь присел на корточки. Сощурился. Вот он, «стебель». Изогнулся, когда я контейнер сдвинул, но теперь распрямился. А что, если кристалл использовать? Сможет он эту ножку перерубить, перерезать? Да, пожалуй... Хотя – он же и сам редкий да дорогой очень, стоит ли ради одного артефакта лишиться другого? И потом, если кристалл с оком как-то взаимодействовать начнут... я же еще не пробовал их совместить и не знаю, что может произойти. Но если подумать, око более ценно. Курильщик, к примеру, за него раза так в полтора больше денег отвалит, чем за кристалл.

Я прижал ладонь к висящему на поясе второму, маленькому контейнеру и тут вспомнил, что артефакт, который мы недавно добыли возле заброшенной фермы, предварительно распоптрив двух зомби, сейчас у Пригоршни. Где он, кстати, почему так тихо снаружи? Забеспокоившись, я встал, попятился от ока, испытывая иррациональное нежелание поворачиваться к нему спиной, и вышел из домика, подняв автомат.

И с облегчением опустил его, увидев напарника, который, должно быть, за это время успел обойти башню и теперь пытался отпереть дверь. Он склонился, ковыряясь в щели армейским ножом, выменянным у одного вояки за ящик водки и пять банок сгущенки, которые мы прошлой зимой раздобыли на заброшенном складе неподалеку от Агропрома. Я направился к Пригоршне, а он тем временем, подвигав лезвием, рванул ручку и что-то с хрустом сломал – не то засов, не то язычок замка. Дверь открылась. Пригоршня сунулся внутрь – и заорал.

* * *

Крик был настолько диким, что в первый миг ошарашил: никогда раньше я не слышал, чтобы человек так кричал. Напарник дернулся назад, поскользнувшись, упал на спину и пополз, не прекращая вопить. А я растерялся – застыл, вместо того чтобы схватить автомат и открыть огонь поверху Пригоршни, в темный дверной проем. Ведь сейчас оттуда что-то выскочит...

И тут меня опять пробрало, да сильнее, чем на склоне: словно невидимая рука просунулась в грудь, сдавила, сжала сердце. Я охнул, упал на колени, кажется, тоже завопил, хотя сам не слышал крика. Из башни лезло *оно*.

А Пригоршня уже карабкался на четвереньках, не оглядываясь, и кричал, разевая рот большой буквой О. Когда его и меня разделяло несколько метров, я наконец смог совладать с ужасом, затопившим, казалось, все тело. Руки ходили ходуном, ноги подгибались, но я кое-как встал, прижав «калаш» к левому боку, открыл огонь. Загрохотало, задребезжало все вокруг. Пригоршня вдруг оказался совсем близко.

– Не пали, без толку! – проорал он в самое ухо. – Ходу!

Я прекратил стрелять; он схватил меня за плечо, дернув так, что я чуть не упал, и помчался прочь. Мы бежали, то и дело оглядываясь, и ясно было, что убежать смысла нет: *оно* двигалось куда быстрее, распространяясь от башни валом, набухая, догоняя... Ужас катился впереди, будто ударная волна, наполняя мозг слепой паникой.

– Не успеем! – проорал я. – Нет, стой, куда ты...

Но Никита уже запрыгнул в кабину, втягивая меня за собой, перекатился на соседнее с водительским сиденье.

– Ключ! Ключ есть...

Ключ и вправду торчал из замка зажигания. Пока я усаживался, Пригоршня его повернул. Мотор заурчал. Значит, он на ходу, грузовик этот – наше спасение, потому что *оно* – вот уже совсем близко, уже накрыло мертвеца в траве, и тело того затрепетало, вспенилось красным, растворяясь, растекаясь по земле... Я затрясся, забился на сиденье, топая ногами под рулем, не попадая по педалям, наконец попал, дернул рукоять передач и втопил газ так, что грузовик рванулся с места в тот самый миг, когда *оно* подкатило к задним колесам.

Глава 2

Пригоршню так прозвали, потому что он старые вестерны очень любил. И в былые времена, еще до того как мы подружились, на вопрос, за сколько на дело подпишется, неизменно отвечал: «За пригоршню долларов», а если предлагали конкретную сумму, которая его устраивала, говорил: «Ладно, но только если ты добавишь на несколько долларов больше». Теперь-то он уже так не говорит, подрос. Хотя ковбойскую шляпу до сих пор носит, несмотря на то что по лесу неудобно в ней, поля за ветки цепляют.

Почему-то мне все это вспомнилось за мгновение до того, как он выкрикнул:

– Поворот, Химик!

Я крутанул руль так, что показалось – сейчас машина развалится на части. Просев на левый бок и чуть не встав на два колеса, грузовик развернулся, следуя изгибу земляной дороги. Справа открылся вид на башню, и я различил шевеление среди развалин, беспорядочное движение, будто отовсюду из-под земли лезли огромные муравьи – потом их скрыл сарай-развалюха.

– Там что, крысы?! – заорал я.

Вместо ответа он сорвал с плеча «Грозу», высунулся наружу – стекло в дверце было разбито, – но стрелять не стал. Я обеими руками сжимал руль, норовивший выпрыгнуть из пальцев.

– Оно их перед собой погнало! – выдохнул напарник, плюхаясь обратно на сиденье. – Понимаешь? Это как от выброса...

Бросив взгляд в испещренное трещинами зеркало заднего вида, я невольно сморщился. Оно исчезло из виду, оставшись где-то позади, но ландшафт оживал. Из всех созданий Зоны я больше всего не люблю крыс. Не переносу их. Это, наверное, фобия, да только здесь не водятся психиатры, чтобы от нее избавиться. Мерзость, мерзость, мерзость! И мерзость эта бежала от водонапорной башни, серый шевелящийся вал преследовал нас.

– Поворачивай! – заорал Пригоршня, и я вновь крутанул руль, на этот раз влево. Впереди был большой сельский дом; мы пронеслись мимо, своротив покосившуюся ограду, чуть не зацепили бортом колодец, но все же миновали и это препятствие – и вылетели на огород.

– Кабан!

Я уже и сам увидел: мутант размером с новорожденного теленка, черный и косматый, бежал по грядкам, взрывая землю острыми копытами. Грузовик вильнул, едва с ним не столкнувшись, снес другую ограду, перепрыгнул через выгребную яму, и мы очутились на площади.

Чернобыль – городок небольшой, но центральная площадь у него приличная, с кинотеатром и памятником Ленину. Двигаясь от развалин, мы успели пару раз повернуть, теперь башня была не точно позади, а где-то слева. С той стороны на площадь накатывала волна крыс, среди которых мохнатыми холмами возвышались кабаны. Прав Никита, это что-то вроде гона: обезумевшее зверье несется со всех ног – и не только страх им владеет, но и кровожадная ярость, неистовство, поэтому оно бросается на все живое, что попадает на пути, сгрызает его и несется дальше, пока силы окончательно не иссякнут.

Мотор заглох возле кинотеатра. Но я не сразу понял, что произошло: пялился на бегущих к нам крыс, замерев, будто кролик перед удавом.

– Все, встали! – проорал Пригоршня мне в ухо и сильно пихнул в плечо, так что я чуть не вылетел из кабины. – Вылазь!

Крысы приближались – сотни существ, охваченных паникой, – и волна их вот-вот должна была захлестнуть грузовик.

Сунувшийся между мной и рулем Пригоршня распахнул дверцу, выставил в нее «Грозу» и шмальнул из подствольника.

Сорокамиллиметровая граната «ВОГ-25» взорвалась, полетели ошметки плоти. Не только крысиной – там были и псы, слепые чернобыльские мутанты, бегущие вместе с грызунами. Напарник второй раз толкнул меня и наконец выпихнул из кабины. В последний момент я машинально попытался ступить на подножку, но подошва ботинка соскользнула, и я рухнул на асфальт, сильно приложившись лбом.

В голове будто что-то лопнуло, от удара наваждение прошло. Я встал на колени и рванул автомат с плеча. Страх все еще хлестал мозг шипящими ядовито-красными плетями, но теперь я мог действовать. Крысы с псами были прямо передо мной, всего несколько метров разделяло их и грузовик. В этот момент выбравшийся на капот Пригоршня начал стрелять, и я последовал его примеру.

Визг, хруст, вой! Когда я повел стволом в сторону, взметнулась красно-коричневая волна, состоящая из крови, мяса и раздробленных пулями костей. В сплошном крысином фронте образовалась полукруглая выемка; они стали обтекать нас, но не окружать, потому что за грузовиком было здание кинотеатра. У меня автоматные рожки модифицированные, расширенные, в каждом не по тридцать, а по сорок пять патронов помещается, рожков всего семь. И еще пистолет, но от него сейчас пользы немного...

Патроны закончились, я потянулся к сумке на ремне. Пригоршня сверху выкрикнул:

– Назад! Отступай, прикрою!

Как только один из нас прекратил огонь, волна крыс нахлынула, выемка стала распрямляться, исчезая.

– Назад давай! – он схватился за «Кипарис», широко расставив согнутые ноги, и, наклонившись вперед, начал стрелять с двух рук, едва удерживая тяжелую «Грозу».

Упав, я прокатился под грузовиком, ударился плечом о ступень, протиснулся над нею и вскочил. Теперь машина скрыла меня от крыс. Пригоршня все еще стоял на капоте, а я, успев перезарядить автомат, метнулся к дверям и с разбегу высадил их. Повернулся, заорал, стараясь перекрыть грохот автоматов: «Сюда, сюда давай!» – и тут грузовик качнулся.

Словно по другую сторону в него врезалось что-то большое. Или кто-то. Но не крысы ведь?! Слепые псы тоже на такое не способны. Даже тысячи в панике убегаящих грызунов, пусть это местные мутанты, не могут перевернуть машину – но она вдруг перевернулась!

Я все равно не увидел, кто именно опрокинул ее, успел заметить лишь, как Пригоршня падает с капота, а потом машина надвинулась, скребя бортом по граниту, и я спиной влетел в холл кинотеатра, чтоб не раздавило.

Стало темнее: тент грузовика закрыл двери.

– Никита! – выкрикнул я и побежал вдоль стены. Окон в ней не было, висели выцветшие плакаты каких-то древних фильмов с названиями «Экипаж», «Пираты XX века», «Безымянная звезда»... Дальше были окошки касс и другие двери.

Я повернулся, чтобы возвратиться к грузовику, одновременно раскрывая контейнер на поясе, собираясь пробить тент, ведь надо было как-то впустить напарника сюда, если, конечно, его не раздавило о ступени, что, скорее всего, и произошло, – но тут брезент прорвался сам собой, и поток зверья хлынул в холл. Сжав пальцы на том, что лежало в контейнере, я метнулся в обратном направлении. «Администратор»... «Кафе»... Ударившись всем телом о дверь с надписью «Вход в зал», влетел внутрь, поскользнулся, чуть не упал, выпрямился и замер, стоя спиной к экрану, глядя на ряды, ряды, ряды сидящих лицами ко мне фигур.

* * *

Издали зомби не всегда отличишь от человека. В конце концов, они из людей и получаются, из кого ж еще, хотя что с их мозгами происходит – лично я не знаю. Конечно, движения

у них меняются, становятся дерганные, ломанные, но они даже разговаривают иногда, бывает, чушь несут, а бывает – вполне связно.

В первый миг у меня возникла мысль, что они смотрят фильм. В зале было полутемно, из квадратного окошка на противоположной стене лился белый свет... но именно белый, по нему не пробегали тени и волны. «Зрители» недовольно бормотали, заполняя помещение рокотом голосов, и одновременно стучали ногами по полу: раз... раз... раз... – будто выражая нетерпение. Я оглянулся: экран за спиной был озарен, то есть старенький киноаппарат крутился, хотя пленка в нем отсутствовала. Когда я возник на фоне экрана, зомби заворчали громче и начали подниматься – вот тогда-то я и понял, кто это. Несколько десятков их собралось в зале, они даже смогли запустить аппарат, повинаясь, должно быть, каким-то неявным воспоминаниям из прошлой жизни, – но и только.

Сразу дюжина страшил двинулась по проходам вниз, и одновременно в дверь, через которую я проник сюда, влился поток крыс.

Увидев, что в зале три двери – две внизу, по сторонам от экрана, и третья вверх, слева от последнего ряда, – я бросился ко второму выходу. Заперто! Я обернулся. Визг, писк, топот лап... Крысы затопили уже треть зала; зомби спускались, и вот первый из них вступил в поток грызунов – сразу несколько крыс, подскочив, вцепились зубами в его икры и колени.

К тому времени я достал из сумки артефакт под названием «грави» и мясистую, влажную лозу волчьего зева, растения редкого и необычного. Обмотал ее вокруг сплюснутого комка, состоящего из остатков растений, земли, корней и коры – все это будто срослось под действием чудовищной гравитации, превратилось в сплошную стеклянистую массу.

Потому-то меня и называют Химиком, хотя, пожалуй, больше подошла бы кличка Алхимик. Я чувствую артефакты и могу сделать с ними такое, на что не способен никто. Как только лоза крест-накрест сдавила «грави», тот стремительно нагрелся в моей руке. Еще немного – и прожгло бы кожу, но я уже швырнул артефакт вперед.

«Бомба» упала примерно на середине площадки, которая разделяла экран и первый ряд. По опыту зная, что произойдет, я вцепился в массивную ручку двери. После удара о пол – первая вспышка: прозрачный фонтан бьет в потолок, и все вокруг содрогается, извиваясь. Я повис, держась обеими руками, параллельно полу; когда вспышка погасла, упал, но тут же вскочил и побежал вдоль стены вверх, мимо неповоротливых зомби.

А внизу образовалось то, что я называл гравитационной воронкой – хотя природу явления толком не понимал. Пол сломался, часть зала вместе с сиденьями провалилась, фундамент под кинотеатром просел с низким тяжелым скрипом. Я бежал не оборачиваясь, не видя, что там происходит, но примерно представляя. Третья дверь оказалась не заперта, за нею – короткий коридорчик и тускло освещенная будка киномеханика. Возле аппарата на корточках стоял древний, заросший пыльной паутиной зомби и тоскливо стонал, то и дело ударяя кулаками о пол. Вокруг валялись покореженные круглые железные коробки, растерзанные киноплёнки – будто он пытался зарядить хоть одну из них в киноаппарат и, не в силах сделать это мягкими гнилыми пальцами, стал крушить, давить в ярости...

Пол содрогался: артефакт еще работал, кинотеатр опускался, нижняя часть зала сжималась гармошкой, расплющивая крыс и зомби. Зловещий киномеханик не обращал внимания на происходящее, он стонал и выл, широко разевая беззубый черный рот. «Грави» – штука не слишком мощная, даже когда входит в реакцию с волчьей лозой, но здание было совсем старым – того и гляди вся постройка сложится карточным домиком. Поэтому я, даже не успев кинуть взгляд сквозь квадратное окошко, в которое был нацелен киноаппарат, выскочил наружу и метнулся к двери на другом конце коридора.

И вовремя: та часть крыс, которая сумела избежать гравитационной воронки, была уже совсем близко.

За коридором оказалась короткая темная лестница, после еще одна дверь – и наконец я вновь очутился на открытом пространстве. Позади кинотеатра был крутой земляной склон и тропинка, вьющаяся между деревьев. Дальше тянулись улицы. Грузовик остался на другой стороне кинотеатра, а где Никита – неизвестно. Размышлять об этом не было времени, многоголосый писк, глухой лай и топот лап наполняли все вокруг: действие «грави» как раз должно было прекратиться, звери, скорее всего, заполнили кинотеатр и вскоре будут здесь.

Я побежал по дорожке, крепко сжимая автомат. Достигнув конца склона, где начинались первые дома, оглянулся – и увидел, как сплошной вал грызунов переваливает через вершину, катится вниз все быстрее, быстрее... Уродливые твари! Чувствуя, что паника вновь охватывает меня, пытаюсь сопротивляться ей, помчался по улице, вылетел на узкий бульвар и тут был вынужден остановиться: навстречу неслась стая кабанов. Я полоснул их короткой очередью, оглянулся и бросился в сторону, влетел в распахнутую калитку – справа бурьян, слева дом с раскрытыми дверями, впереди крысы... Пришлось нырять в двери, на ходу перезаряжая оружие.

Миновав прихожую и коридор, я остановился. С подозрением посмотрел через плечо, повернулся из стороны в сторону – никого. Что такое? Почему они следом не... Огляделся вновь, вода стволом из стороны в сторону, готовый открыть огонь при малейшей опасности. Обычная кухня: плита, рядом газовый баллон стоит; дальше комната с облезлым диваном и старыми коврами, даже с телевизором черно-белым на тумбочке. В стене проем, занавешен тюлем. За ним, наверное, вторая комната. Прохладно, тихо и сумеречно. И спокойно вполне.

Я медленно пересек помещение, не опуская автомат. Возле телевизора – большого, с треснувшим кинескопом, над которым была пластиковая панелька с надписью «ГОРИ-ЗОНТ», – стволом отвел занавес, заглянув во вторую комнату, вошел туда. Здесь уже совсем темно было, во всяком случае, мне так казалось, пока глаза не привыкли к освещению. На окнах занавески, а снаружи высокие лопухи шелестят, поэтому дневной свет внутрь почти не проникал.

Под стеной стояла кровать, под другой, между окнами, – книжный шкаф. Везде ковры. Давным-давно, еще во времена СССР, это круто считалось – ковры. Не всякий достать мог, да и стоили они, поэтому признаком зажиточности были. Вот ими стены и увешивали, а на пол класть не все решались, жалко ведь дефицит топтать.

Я чуть не подскочил, когда до меня дошло, что на кровати под одеялом кто-то лежит. Вскинул автомат, но стрелять не стал: он не шевелился.

Негромко позвал:

– Эй, ты!

Тишина. Я сделал осторожный шаг, потом второй, третий. Встав рядом, стволом приподнял одеяло, отбросил и сразу вскинул автомат.

Там лежал пацан лет пятнадцати с виду. В спортивных штанах, футболке и брезентовой курточке поверх нее. Голова на подушке, ладонь под щеку подсунута. Светлые вьющиеся волосы, тонкие, почти девичьи черты лица.

– Эй! – повторил я.

Нет, он не спал, это был труп. Хотя я не ощущал запаха разложения. И вроде поврежденный никаких... Стволом я приподнял полу куртки, опустил. Ткнул его в грудь, в живот. Твердый, будто каменный. Он что, мумифицировался тут каким-то образом? Или это вроде комы и пацан жив на самом деле? Я наклонился, перевернув оружие, осторожно постучал прикладом по его лбу. Сейчас, когда сердце перестало колотиться и дыхание успокоилось, я уже слышал шум, доносящийся с улицы, приглушенный треск и мягкий топот тысяч лапок по земле. Нельзя в доме надолго оставаться, этот островок спокойствия в любую минуту захлестнет кипящее море зверья, разлившееся по Чернобылю...

На запястье вытянутой вдоль тела руки поблескивал ПДА. Увидев его, я выпрямился, пошевелил плечами. Мой компьютер, по которому можно было определить месторасположение Никиты, остался в рюкзаке, а рюкзак... нет рюкзака! Я даже не помнил, когда скидывал с плеча его лямки. Когда от башни бежал? Или уже в грузовике, чтоб не мешал, ведь сидеть в водительском кресле да еще и править бешено мчащейся машиной с рюкзаком на спине очень уж неудобно. А может, позже, в кинотеатре? Да нет, ведь перед этим прокатился под грузовиком, как бы я там катался с объемистой ношей на спине? Так или иначе, избавился я от рюкзака совершенно машинально, и на сознательном уровне событие в памяти не отложилось.

А ПДА нужен, ох, нужен... Повесив автомат на плечо, я осторожно протянул руку. Двумя пальцами ухватившись за грубый толстый ремешок, перевернул запястье пацана ладонью вверх (оно было холодным и твердым, как гранит), вытянул вторую руку, расстегнул пряжку и наконец завладел компьютером. Немного отойдя, положил на ладонь. Включил.

Мигнула лампочка, едва слышно затрещал миниатюрный винчестер, и прямоугольный экран осветился. Под ним – длинная панель переключения между различными утилитами, слева вверху – два узких светодиода, красный и зеленый, а справа овальный сенсорный джойстик для перемещения карты по экрану. Вокруг джойстика четыре кнопки: на двух телефонные трубки нарисованы, еще на одной конверт, а на последней какой-то неразборчивый значок.

Почта и все остальное мне сейчас не нужны были, мне бы Пригоршню отыскать. Увеличив масштаб, я сдвинул карту. Она блеклая, серо-зеленая, со схематичными изображениями: изогнутые ленты дорог, прямоугольники крыш. Ага, вот и Чернобыль. Теперь правее... Я чуть не присвистнул: сразу шесть зеленых крестиков с кружками вокруг них! Пять сбились в кучу и находятся где-то позади, а шестой – это же наверняка Пригоршня! Вот он, перемещается по улице к западу от меня, и быстро перемещается, бежит то есть. Надо к нему, помочь, если... Кружок скакнул вбок, перепрыгнул на соседнюю улицу, потом вновь повернул... Метка погасла. Возникла опять. Погасла. Вновь загорелась, но теперь красным. Это означало, что Никита мертв... И тут же она стала зеленой, потом на мгновение исчезла, чтобы объявиться чуть в стороне.

После этого кружок потускнел, секунд через тридцать посерел (я вообще раньше не видел, чтобы метки принимали такой цвет, и понятия не имел, что он означает, если вообще означает что-нибудь) и пропал окончательно.

Некоторое время я стоял в полной растерянности, пялясь на карту. Неужели Никита погиб?! Или это глюки системы? Нет, так мне напарника не найти. Хорошо, но вот эти пятеро – они кто? С Медведем пошло семь человек, двое остались возле водонапорной башни, убитые тем, что скрывалось в ней... Так что, я вижу остальных сталкеров Курильщика? Но Медведь, выходит, не с ними, потому что его особой метки среди них нет... И вдруг она возникла – на самом краю экрана, где-то за рекой.

Крякнув, я резко уменьшил масштаб, раздвинув края карты во все стороны. Метка фиолетового цвета – именно такой делала ее особая микросхема, добавленная в ПДА Бородой, помощником Курильщика, который хорошо в электронике шарил, – мигнула на берегу Припяти, возле того места, где река поворачивала. Разгорелась, стала очень яркой.

Пропала.

Я недоуменно потер лоб, пытаясь сообразить, что бы это значило. Поглядел на пять кружков, что расположились рядом друг с другом. Что-то с ними не так, почему они посреди реки... – Е-мое! – тихо сказал я.

Они находились на барже-пароме! Той самой, которая уже много лет стояла на одном месте. И они почти не двигались – ну, конечно, баржа хоть и большая, все равно это совсем другой масштаб, и если сталкеры по палубе перемещаются, ПДА улавливает движение лишь как дрожь меток. Значит, сталкеры живы еще. И даже если Медведь не с ними, все равно надо немедленно туда идти, они расскажут, что в этих местах, зомби побери, вообще происходит!

Надевать ПДА на запястье я не стал, сунул в карман. Пожалуй, стоит глянуть в окно, выводящее на бульвар, и сквозь заросли лопухов попытаться рассмотреть, что там происходит. Шагнул вперед, и тут между ног что-то резко сдвинулось. Отскочив, я споткнулся о половик и уселся на него задом, спиной прижимаясь к шкафу. В полу появилось темное отверстие – прикрывающие его куски половиц отлетели в стороны. Палец сам собой сжал курок, автомат выпустил две пули и смолк: опустел рожок. Надо было перезарядить, но на меня, как и в грузовике, нашло оцепенение; я завороченно пялился на отверстие, из которого показалась острая морда, а после и голова...

Крысиный волк. Крупная зверюга – если он здесь, то и вся стая поблизости. Он полез наружу, сбоку возникли морды помельче, множество морд... Звери пытались выбраться временно, но отверстие не позволяло. Я вскинул руки, ухватил то, что выступало из-за края полки прямо над головой, и рванул. Это оказалась стопка каких-то журналов – мгновением позже я разглядел надпись «Вокруг света», – прошитых веревочкой. Годовая, судя по толщине и весу. Со всей силы я обрушил ее на голову крысиного волка, уже до половины высунувшегося из отверстия.

Башку я ему не размозжил, но зато вбил зверя обратно в подполье – снизу донесся глухой звук, писк, скрежет когтей, и все крысиные морды разом исчезли. Пол подо мной уже поскрипывал, половицы дрожали: множество существ тыкались в них, стараясь приподнять, взломать, чтобы выбраться наружу. Встав на колени, я стал швырять в отверстие другие журнальные подшивки, потом книги. В темноту полетели тома Уэллса, Диккенса, Жюль Верна, Лондона... Опомившись, перезарядил наконец автомат, сунув ствол в отверстие, заглянул. Там что-то шевелилось, сновало из стороны в сторону, горели глаза – крысы вновь пытались вылезти в комнату. Потом хрустнуло, и вдруг из мрака взлетело большое продолговатое тело: крысиный волк, подпрыгнув, вцепился зубами в ствол.

Чуть не заорав от неожиданности, я открыл огонь. Мгновение зверь висел на автомате, сползая, мучительно царапая клыками металл, а затем голова его взорвалась, и тело упало обратно.

Я стрелял, то водя автоматом из стороны в сторону, то описывая им восьмерки, спирали и петли, поливал огнем темноту подпола, пока не опустел и этот рожок. Распахнув сумку, выдрал оттуда бензиновый баллончик, которым заправлял свою «зиппу», зубами сломал пластиковый клапан и перевернул – жидкость потекла вниз, где шевелилось, сопело, хрустело и хлюпало. Когда баллончик опустел, достал зажигалку – не жалко, у меня еще две есть, – чиркнул и разжал пальцы, позволив упасть.

Вспыхнул огонь, сначала синий, потом красный. В огне заставали гибкие тени. Я перескочил через дыру, побежал к двери и выпрыгнул наружу, на ходу перезаряжая автомат.

Куда теперь? Приподнялся на цыпочках, чтобы видеть поверх лопухов. Бульвар был забит крысами, псами и кабанами – настоящий гон! Такое бывает только после больших выбросов из центра Зоны, но тогда твари атакуют Кордон, то есть внешний периметр, доставляя хлопоты военным. А тут? Эта сила, полезшая из башни... Что это было? Ни я, ни Пригоршня так и не сумели толком разобраться, слишком большой ужас оно внушало, должно быть, не обошлось без телепатического воздействия...

От запрудившего бульвар потока зверья то и дело отделялись рукава, вливались во дворы окрестных зданий, поворачивали в переулки и боковые улочки. А тем временем из дома, возле которого я стоял, пахло гарью, изнутри доносился треск горящего дерева, писк; за окном клубился дым. Пора сматываться, крысиного волка-то я завалил, но всю стаю не перестрелял, еще немного – и они повалят наружу. Пятясь, не отрывая взгляда от бульвара, я достиг небольшого огорода, миновал будку сортира и уже потом, развернувшись, рванул дальше. Впереди оказалось несколько домов, так что пришлось перебираться через разделяющие дворы заборчики. Потом начался склон, поросший деревьями, между которыми тянулась кривая деревян-

ная лестница со ступеньками-бревнышками. Я сбежал по ней, чуть не падая, перемахивая через пять ступеней зараз, и когда был уже на дне оврага, оглянувшись, увидел, как вверху появились звери.

Под склоном – полоса земли и понтонный мосток, ведущий к узкому островку всего в нескольких метрах от берега. На острове, я знал, были пляж, развалины кафе и лодочная станция.

Доски заходили ходуном – того и гляди какая-нибудь провалится, и окажусь я в воде между полыми жестяными бочонками, поддерживающими мост на плаву. Все же я благополучно добрался до острова; вздымая фонтаны песка, пересек пляж и остановился возле лодочной станции. Вот она, река, широкая в этом месте – метров восемьдесят до противоположного берега. И куда правее острова почти на середине стоит баржа, похожая на приземистый длинный утес, мохнатый и темный.

Я лихорадочно огляделся. На песке валялось несколько разбитых водяных велосипедов и дырявые лодки. А это что там, за будкой лодочника? Сделав несколько шагов, я увидел небольшую пробковую посудину, когда-то красного цвета, а теперь коричнево-розовую, всю в мелких трещинах. Схватил ее за борт, легко приподнял, бросил днищем на песок, обежал, приглядываясь.... Нет, не дырявая, кажется. А весла где?

Тем временем зверье затопило берег. На краю реки живая лавина слегка задержалась, но задние напирали, и среди волн уже мелькали крысиные головы, ну а по мосту, который я только что пересек, бежали псы. Толкнув лодку ближе к воде, я бросился к будке, вломился в нее, но того, что мне было нужно, не нашел. Выглянул сквозь широкое окно в другой стене... Вот оно! Прямо из песка торчало весло. Я выпрыгнул в окно, едва коснувшись ногами подоконника, схватил весло и, видя, что крысы и псы уже добрались до острова, метнулся в обход дома.

Лодочка была совсем легкой. Спихнув ее в воду, бросил автомат под скамейку, налег, отталкиваясь ногами от дна, пока вода не дошла до середины бедер, и перевалился через корму. Течение тут же подхватило нас – в Припяти оно сильное, куда быстрее, чем в Днепре. Лодка сразу начала поворачиваться, но я, встав коленями на носовой доске, схватил весло и погреб.

Цевье в моих руках сломалось.

– Твою мать!!!

Лишь в последний миг я успел схватить нижнюю часть, а верхушка бултыхнулась в воду и поплыла, обгоняя лодку. Теперь в моем распоряжении осталась овальная лопасть с «рукоятью» длиной сантиметров сорок. Что за день такой? С утра не задался! Как при помощи этого управляться с лодкой?!

И все же я стал грести, потому что звери уже плыли через Припять: сотни их течение уносило прочь, но другие сотни, скатываясь с холма, падали в реку, и постепенно расстояние между ними и мной сокращалось. Стало темнее; солнце исчезло за холмами, приближался вечер. Я греб что было сил, но от берега удалялся медленно, течение сносило лодку куда быстрее. Кроме того, я устал, а орудовать обломком было гораздо тяжелее, чем нормальным веслом. Сердце колотилось, грудь тяжело вздымалась, руки ныли... Оглянувшись: между волнами мелькали головы. До парома дотяну как-нибудь...

Даже для Зоны он был очень уж странным, этот несоразмерно огромный паром, поросший мхом и мелкими кустиками, со свисающими в воду лохматыми тросами, с кривым деревцем на крыше рубки. Он много лет стоял здесь, посреди Припяти, не двигаясь с места, а ведь никаких якорей там не было. Стоял, постепенно зарастая, плесневая, напитываясь влагой, и говорили, что по ночам сквозь щели между досками рубки пробивается тусклый мертвенный свет. Сколько себя помню, на барже никогда никто не бывал, никто не пытался приблизиться к ней даже посреди яркого дня – про ночь или вечер и речи не шло.

Я вновь стал грести, потом отложил весло. Перекинул ремень автомата через голову, чтобы оружие оказалось за спиной. И когда течение понесло лодку мимо парома, ухватился за свисающий с борта ржавый металлический трос.

Глава 3

Отбежав, я присел за бортом и выставил над ним автомат. Смеркалось, но звериные головы среди волн были еще хорошо видны. По нависающему над рекой берегу гуляло зарево: в городе начался пожар. Я перегнулся через борт, шурясь в полутьме, вглядываясь... Ага! Они не приближались к барже. Те звери, которым хватило сил противостоять течению и добраться сюда, проплывали мимо, не пытаясь вскарабкаться. Псы и не смогли бы, но крысы – запросто. Что же это за место такое заколдованное, раз они боятся, даже рискуя утонуть... Облившись холодным потом, я резко обернулся, подумав вдруг, что все это время находился спиной к опасности, что именно сейчас нечто приближается ко мне сзади, – обернулся, двигая стволом из стороны в сторону, готовый стрелять.

Никого там не было. На середине палубы возвышалась рубка с деревцем на крыше, вокруг стояли ржавые машины. Ни одной иномарки, сплошь «Жигули», «Москвичи» да «Запорожцы», а еще белая «Волга» и пара грузовичков. Паром остановился здесь, посреди реки, когда совершал очередной рейс, самый обычный; по широкому дощатому пандусу на него заезжали машины и заходили люди, желающие переправиться через Припять (с человека, должно быть, двадцать пять копеек, за автомобиль рубль), – он плыл, у противоположного берега прижимался к отвесному бетонному скосу бортом, обвешанным для амортизации старыми шинами... На нем даже не было якорей, насколько я мог судить, только причальные канаты. Я вновь посмотрел на воду: псов почти не осталось, хотя крысы еще мелькали среди волн, впрочем, теперь едва различимые. Приближаться они по-прежнему не пытались. Достал ПДА из кармана, глянул. Пять меток были прямо передо мной.

– Витек, Стечкин! – громко позвал я, припоминая имена и клички тех, кого Курильщик отправил с Медведем. – Копытыч, эй! Горбун, Серый, Дроля! Это Химик, слышите? Нас с Пригоршней Курильщик за вами отправил...

Тишина. Не опуская автомата, я в полуприсядку засеменил через палубу, миновал прожавевший «Запорожец», добравшись до небольшого микроавтобуса-«уазика», кое-как на него вскарабкался. Выпрямился и огляделся. Пара десятков машин стояли вокруг, из щелей между досками палубы росла трава. Ближе к носу находился грузовик с землей. Задний борт проломлен, кузов приподнят, так что значительная часть содержимого высыпалась наружу. Там проросла трава и несколько кустов.

И никого вокруг, ни единого движения не угадывалось в полутьме, разве что ветви иногда покачивались на легком ветерке. Я сел, сложив ноги по-турецки, достал из сумки кусок шоколадной плитки, все, что у меня оставалось из съестных припасов, и принялся жевать.

Со стороны кормы донесся приглушенный треск, и я упал на бок, чтоб не подстрелили из-за какой-нибудь машины. Чуть шоколадом не подавился. Черт! Надо было обойти всю баржу, прежде чем залезать сюда и торчать на виду у... У кого? Кто мог обитать здесь? К тому же очень уж я устал после всей этой беготни, глаза слипаются. Но спать нельзя еще. Хотя, скорее всего, это просто палуба скрипнула или ветка того дерева, что на крыше рубки росло. Откуда оно там взялось, кстати? Ветер, что ли, за все эти годы земли туда нанес? Да нет, что-то не верится, скорее уж чернозем специально кто-то притащил на крышу... Только зачем?

Я достал ПДА – и обомлел. Опять эти штучки: ни одной метки, все исчезли! Но тут же на краю экрана, за широкой полосой Припяти, возник фиолетовый кружок, мигнул и погас. И что толку от всей этой техники, если ничего понять невозможно? Дьявольский район, век бы сюда не заходил!

На животе я сполз с «уазика», приседая, обогнул его, перебежал к темно-зеленым «Жигулям», стоящим ближе к борту. Оттуда, вглядывая и вновь прячась, – к «Яве» с коляской. И увидел позади мотоцикла еще один грузовичок со спущенными шинами и откинутым бортом.

Внутри были разломанные ящики. К тому времени уже совсем стемнело, но от берега лился свет пожара, так что я сумел разглядеть среди досок консервные и стеклянные банки. Еще там солома была да бумажные обрывки, остатки упаковки, должно быть, в которую стекло заворачивали. Ага, это он продукты перевозил, но потом кто-то содержимым кузова занялся... Я выпрямился, быстро осмотрелся, вновь пригнувшись, побежал дальше, к корме.

Перебираясь от машины к машине, обошел весь паром, а под конец заглянул в рубку. Никого здесь не было, ни внутри, ни снаружи, пусто и тихо. И предчувствия меня никакие не посещали, дурно не становилось, как тогда, на холме возле водонапорной башни. Вот тебе и таинственное место – ничего загадочного, ничего зловещего. Но ведь стоит паром на одном месте. Давно уже. Значит, что-то держит его, какая-то сила... Стоп, а если... Я бросился к борту.

Ну точно! Когда я с лодки перебирался, то не обратил на это внимания, только сейчас вспомнил. Не все тросы просто свешивались в воду, один был туго натянут, уходя в реку под углом. Да он привязан к чему-то на дне! Или к нему прицепили какое-то подобие якоря. И к этому тросу, и к другому, который свешивается, наверное, со второго борта. Вот тебе и тайна – я аж махнул рукой разочарованно. Конечно, с берегов их и в бинокль не заметишь, а подплывать люди боялись.

Подумав обо всем этом, я даже осмелел: узкие проходы между машинами казались теперь не такими опасными, и все окружающее меня темное безмолвие посреди тихо плещущейся реки будто предстало в другом, истинном свете.

Но все же – почему-то ведь люди не плавают сюда, откуда-то дурная слава у баржи взялась. Или кто-то намеренно все эти слухи распустил, чтобы отпугнуть народ? Но зачем?

Еще раз осмотрев палубу, я так и не нашел люка, ведущего в трюм, и забрался в рубку. А ведь у такой дуры обязательно трюм должен быть, и вместительный. Выпив минералки из фляги, я уселся в углу под стеной, положил автомат на колени, прикрыл глаза. Зачем кому-то создавать вокруг паромы ореол зловещей таинственности? Чтобы устроить схрон, ясное дело, склад. То есть это работа скупщика вроде моего Курильщика. Ладно, но где склад? В трюме. Так почему я люка не... Или он в борту? Где-то там, сбоку, немного выше поверхности воды? Может, через него четверо внутрь и забрались, может, они все это время подо мной находятся? Хотя ведь исчезли метки... Если сейчас, кроме меня, на пароме никого нет, значит, склад запертый стоит. То ли пустой, то ли с товаром. Утром надо пошарить, вдруг ценное что найдется. Это здравая мысль! Если скупщик зажиточный, то будет чем поживиться. Я зевнул. Спать хотелось ужасно. Эх, Никита! Жалко парня, молодой еще... Или все же жив? Я ведь выжил, а напарник боец получше меня. Надо утром вернуться в город, если там все успокоилось, и попробовать Никиту найти.

Хотя пожар все еще бушевал, сквозь разбитое окно вместе с ночным ветерком в рубку проникали отблески пламени, мне даже чудилось, что я слышу гудение огня, доносящееся с берега. Конец Чернобылю, да... Где ж там теперь Никиту искать? Тем более его, может, крысы загрызли с псами... Нет, надо за ним... Утром... Надо...

Что-то дернуло меня за ногу, потянуло и тут же ударило по голове, да так, что темное пространство вокруг взорвалось искрами и поплыло, поплыло, поплыло...

* * *

Я еще смог заметить, что меня проволокли мимо мотоцикла с коляской и втащили под грузовик с обломками ящиков в кузове, увидеть там пролом – вот тебе и люк в трюм, – а после сознание окончательно оставило меня.

Не знаю, сколько времени прошло, – может, минут десять, а может, и пару часов. Главное, что меня даже не связали! Я понял это, двинув ногами, а после пошевелив рукой. Вскоре

стало ясно, что я лежу лицом в холодный шершавый металл, что здесь полутемно, но все же не полный мрак...

Голова болела, а особенно ныл лоб – должно быть, по нему стукнули в рубке. Выходит, размышляя о Никите, я незаметно для себя заснул, чем и воспользовались те, кто скрытно наблюдал за мной все то время, пока я находился на пароме. Сталкер называется! Бывалый обитатель Зоны, осторожный и хитрый!

Я сморщился, приподнявшись на локте, коснулся пальцами лба, услышал позади сопение и резко обернулся.

Передо мной сидел, вытянув широко расставленные короткие толстые ножки, странный человечек. В первый миг я даже решил, что это псевдоплоть, таким он казался расплывчатым, аморфным, но потом в тусклом свете, льющемся из-за поворота коридора, смог получше разглядеть незнакомца. Снизу до поясицы – почти нормальный, разве что ноги короткие совсем, а выше тело было покрыто пузырями, жировыми буграми, висели складки бледной кожи... Казалось, еще немного – и оно потечет, пузыряться и пеняться, сползет с ног и разольется по полу, как жидкое тесто. У существа были руки – пухлые, с толстыми пальцами без ногтей – и бесполое лоснящееся лицо, лишенное бровей и ресниц. Человечек сжимал сломанный черенок из под лопаты с узким ржавым наконечником. Копье то есть.

Боже мой, что за создание? Я приподнялся, когда его увидал, а карлик, коротко взвизгнув, отпрянул. Вскочив на ноги, пригнулся и стал тыкать в мою сторону копьём, настороженно похрюкивая.

– Ты кто? – брякнул я, пытаюсь нащарить на поясе пистолет, одновременно скользя взглядом по полу и не находя автомата.

– Хто... – хрюкнул он, пуча маленькие глазки. – Кто... хты хто... хрю... хр... хты хто... Хто? Хрю!

Монстр, как попугай, пытался повторять мои слова, коверкая их на свой лад. И он явно боялся меня, во всяком случае, опасался. Я встал на колени, поглядывая то на него, то вокруг. Коридор с низким покатым потолком... со сводом, выложенным крупными железными плитками. Под ним тянулись трубы. Если выпрямлюсь, легко до них рукой дотянусь. Стены тоже железные и пол.

Коридор плавно изгибался, так что я его видел метров на пять-семь всего, а что дальше – неясно, хотя свет лился именно оттуда. И свет этот... Я моргнул. Ну да – он будто от факелов! Куда это я попал? Откуда факелы в трюме старого парома, откуда коридор этот? И карлик?!

После обморока раздражители из окружающего мира доходили до сознания медленно, постепенно. Воздух теплый и влажный... Голова болит... Пахнет плесенью... В зад упирается что-то острое. Я привстал, оглянулся: там лежала какая-то ржавая железяка. Отодвинув ее, вновь посмотрел на существо. Убедившись, что я не пытаюсь напасть, человечек опустил копьё и присел на корточки. Он все еще тихо похрюкивал и посапывал, шевеля несимметричными ноздрями-дырами. Какой-то мутант неизвестный? Как же так! В Зоне бывают всякие существа, много среди них и крайне необычных, фантастических, но почему я никогда не слышал про этих созданий? Новые мутации появляются не так часто, и о каждой слухи тут же распространяются, сталкеры начинают обсуждать повадки монстров, чем те питаются и прочее – ведь от этого зависят наши жизни.

– Тебя как звать? – спросил я.

Мягкие уши по бокам лысой башки шевельнулись.

– Хрять... как... хрю... тебя хря хрять...

Забавно до дрожи. Вдруг мне показалось, что это сон: все вокруг сделалось нереальным, призрачным, словно я не спал двое суток, – в ушах звенит, коридор подрагивает, чуть колыхается... Сморщившись, я пару раз хлопнул себя по лбу, повращал зрачками. Ощущение про-

шло, хотя звон остался – едва слышный, он доносился будто из-за экрана, на котором прокручивалось изображение окружающего мира.

Я попробовал выпрямиться.

– Хря-я! – он вскочил, скаля клыки, яростно тыча в меня копьём. Наконечник был хоть и ржавый, но с виду острый. И зазубренный. Ржавчина если в рану попадет – столбняк или гангрена обеспечены, тем более аптечку с меня сняли вместе с контейнерами и всеми поясными сумками.

Я опять сел.

– Слушай, где мы находимся?

– Нахрюдимся... – вновь принялся обезьянничать он, опустив копьё, и тогда я, резко подавшись вперед, почти без замаха сильно саданул его острым концом железа в лоб над правым глазом.

Карлик, с хрипом вдохнув, повалился на спину, брыкнув короткими ножками и выпустив оружие, а я уселся на него верхом и дважды съездил ему по башке. Череп не пробил, зато рассек шкуру и на какое-то время вышиб из него дух.

Прикосновение к липкой мягкой коже были неприятны: я словно сунул руку в кастрюлю, полную сгнивших слив. Карлик застыл, приоткрыв клыкастую пасть, я же поспешно слез с него, взял копьё и наконец выпрямился в полный рост.

Потолок и вправду был невысоким, метра два всего от пола. Пригнувшись, крепко сжимая копьё, я пошел вдоль стены. Коридор плавно повернул, затем еще раз – под прямым углом и в другую сторону. В трубах над головой что-то едва слышно булькало. Не дойдя до поворота, я присел под стеной, уставившись перед собой. Что-то очень странное присутствовало во всем. Нет, ясное дело, странным было уже само наличие подобного коридора в трюме речного парома и карлика в этом коридоре. Но мне казалось, что пространство, в котором я нахожусь, стены и свод, пол и вот этот поворот, из-за которого я все никак не решался выглянуть, – все это состоит из звона. Он накатывал волнами, и каждый раз, когда становился громче, окружающее начинало чуть дрожать, расплываться, а когда стихал – оно как бы стабилизировалось, уплотнялось. От звона ныли уши, и что-то в моей голове, какой-то участок мозга отзывался на него мелким болезненным дребезжанием.

Я сидел неподвижно около минуты, и в конце концов звон стих. Из-за поворота доносились приглушенные звуки. Они мне совсем не нравились, но делать было нечего, так что я, вытерев рукавом пот со лба, осторожно выглянул.

* * *

В первый миг показалось: это видение, глюк. Не может такого быть, откуда здесь взялся этот зал? Пусть даже с низким потолком, но все равно – он не мог поместиться в трюме парома, к тому же, как и коридор, он состоял из железа, паром бы просто не выдержал такого количества металла...

Но затем пришло понимание: я давно не на пароме! После того как меня оглушили в рубке, дальнейшее было лишь галлюцинацией – никто не утаскивал меня сквозь пролом в палубе, нет, мое тело сбросили в лодку, которая поджидала возле борта, и увезли куда-то.... В глубь Зоны? Не знаю, что это за место, может быть, катакомбы под Агропромом или что-то еще, неважно, главное, я теперь далеко от Припяти.

Это объясняло многое. Железный зал, перекрытый узорчатой решеткой проем в противоположной стене, сквозь который был виден другой коридор, – все это больше не изумляло, не казалось бредом.

Но не объясняло, откуда взялись все те странные существа, которых я видел перед собой.

Жирный человек, голову которого на манер падишахской чалмы обматывало грязное полотенце, босоногий и в драном халате, сидел в колченогом кресле, таком низком, что пухлые колени его находились где-то на высоте плеч. Позади, в углу, сжался кто-то в драном пальто, неподвижный и какой-то блеклый, почти невидимый на фоне остального. Этим «остальным» были четверо грязных людей в рванье, которые стояли на коленях перед здоровяком в кресле и кланялись, повизгивая, стеная, бормоча и кудахча, как взволнованные курицы. Я в первый момент принял их за зомби, но потом понял: нет, обычные люди, хотя такие тощие, будто из концлагеря сбежали. На шеях были веревки... Рабы, что ли?

Слева от кресла высилась аккуратная горка черепов, а на середине пещеры стояла круглая чугунная болванка. Что это у них, алтарь? В центре торчал большой крест, то есть две толстые сваренные трубы, и на них висел полуголый мертвец. Руки с ногами не только привязаны, но и... Я пригляделся. Ну да, их прибили заточенными электродами, пронзив лодыжки и запястья, которые из-за этого превратились в окровавленные мешочки, набитые дроблеными косточками и раздавленными сухожилиями. Наверное, в соответствующих местах в трубах были дырки, куда входили концы электродов. На голове мертвеца был венок из колючей проволоки, со лба и висков стекали струйки крови.

А по другую сторону алтаря, возле третьего выхода из зала, на полу лежали мои контейнеры, сумки, оружие и ПДА.

Это что же такое, а? Куда я попал? В голове пронесся рой обрывочных мыслей, надсадно жужжащих, будто обезумевшие пчелы: тайная лаборатория сумасшедшего ученого, обосновавшегося в центре Зоны... Подземное капище культа мутантов... Бывшая секретная база военных, где монстры, над которыми проводили опыты, вышли из-под контроля...

Толстяк что-то рявкнул, подняв руку-бревно, ткнул в алтарь. Четверо рабов в ответ застонали, стали биться головами о пол и неразборчиво тараторить.

Сквозь рокотание их голосов я услышал сопение над самым ухом, и тут же что-то острое уперлось мне в спину.

Чуть не вскрикнув, я развернулся, наотмашь ударив карлика кулаком, разбив ему морду. Он взвизгнул и опрокинулся на спину, задрав ноги, но не выпустив копьё. Ощущая, как по копчику течет кровь, я вырвал оружие из его рук, обернулся, увидел, что находящиеся в зале заметили меня, вскочил и прыгнул к своим вещам.

На ходу, широко размахнувшись, метнул копьё и, хотя до сих пор не проделывал этого ни разу, все же попал, правда, не туда, куда хотел: оно вонзилось в жирную ляжку толстяка, вместо того чтобы пробить его грудь или отвисшее брюхо.

Тот взревел, полуголые мужики заверещали на весь зал и бросились ко мне. Упав на колени возле вещей, я схватил автомат, развернулся, моля всех богов и демонов Зоны, чтобы он оказался заряженным, нажал на курок...

Мне повезло и не повезло одновременно. Они не разрядили оружие, но один из рабов, сжимавший в руке заточенный кусок арматуры, оказался проворнее остальных. В рожке оставалось патронов шесть, и все пули вонзились в тело смельчака, вместо того чтобы поразить троих или четверых.

И только теперь я понял: у всех них были одинаковые лица, темные и узкие, с блестящими глазами... Это что, близнецы, аж четверо? А тот, что на кресте?..

Мужчина повалился навзничь, обдавая все вокруг брызгами крови. Перезаряжать времени не было. Швырнув автомат в морду ближайшего раба, я побежал прочь.

Нырнув в проем, помчался по коридору, похожему на тот, по которому я достиг зала, хотя и без всяких изгибов. Он тянулся вдаль, прямой как стрела, тускло освещенный – я не мог разглядеть, что находится дальше пары десятков метров.

Хорошо, я успел съесть шоколад, попить воды и немного поспать – а то бы свалился без сил, слишком много событий пришлось на вчерашний день и вечер. Я и сейчас чувствовал

себя неважно, сердце опять принялось колотиться, как сумасшедшее, ноги дрожали. Но все же я бежал, не падал, пока не увидел, что впереди тусклый свет становится ярче. И одновременно до сознания дошло: сзади не доносится топот ног, звук тяжелого дыхания, ничего... Меня не преследуют! Я оглянулся на ходу: так и есть, пусто, – повернул голову вперед и увидел конец коридора, проем, зал, алтарь, кресло с толстяком... Я опять попал сюда?! Но как, ведь коридор шел прямо!

Размышлять не было времени: в то время как один раб, изрешеченный пулями, подышал, царапая ногтями пол, содрогаясь всем телом, остальные встали слева и справа от проема, поджидая меня. Они знали, что я вернусь, но схватить не успели: в последний момент, сообразив, что происходит, я наподдал и пронесся мимо них, увернувшись от протянутых рук, хотя две или три заточенные арматурины царапнули по плечам. Времени, чтобы остановиться и вытащить из груди вещей пистолет, не было. Увидев прямо перед собой распятого мужчину (лицо было точно таким же, как у остальных), я чуть не налетел животом на алтарь, оттолкнулся от него и прыгнул к другому проему, тому, через который впервые попал в зал.

Под ноги метнулся громко хрюкающий карлик – покатился, размахивая короткими толстыми ручками, и ударил по лодыжкам, так, что я, споткнувшись, рухнул на пол. И через мгновение сверху, вереща, навалились рабы.

Глава 4

Второй раз за эти сутки меня стукнули по голове. Не знаю, чем били тогда, в рубке, а сейчас – куском арматуры. Звон заглушил остальные звуки, превратившись в надсадное дребезжание, от которого содрогалось все вокруг. Сознание то погружалось в беспамятство, то выныривало из него; иногда окружающее темнело, а иногда багровый свет разгорался вновь.

Бормоча и толкаясь, мужчины подтащили меня к толстяку, бросили на спину. Один сел мне на колени, прижав ноги к полу, второй схватил за руки, а третий куда-то ушел.

Как во сне, мутном ночном кошмаре, я видел человека в кресле, который выдернул из бедра копье, скалясь, сопя и гримасничая. Он что-то повелительно рявкнул. Я лежал боком к нему и, для того чтобы видеть кресло, должен был скосить глаза влево, – а теперь, разглядев движение с другой стороны, скосил их вправо.

Раб пытался стащить крест с чугунного алтаря. Тот накренился, чуть не упав, мужчина что-то залопотал, закричал, но все же удержал его. Перевернул горизонтально и принялся выдирать электроды, которыми мертвец был пригвожден к трубам. Потом сорвал веревки с его запястий и лодыжек – тело плашмя упало на пол.

Только тут я понял, что они собираются сделать со мной, и, дернувшись, сбросил того, что сидел на моих коленях. Раб тут же вскочил, но я согнул ногу и сразу резко распрямил, лягнув его пяткой во впалую грудь с выступающими ребрами. Раздался приглушенный хруст, мужчина полетел на пол.

Высвободив правую руку, я приподнялся, вцепился в грязные волосы на затылке второго раба, что было сил дернул и опрокинул, со стуком припечатав затылком о пол. Извернувшись, схватил выроненный кем-то кусок арматуры, сел и попытался вонзить в шею третьего, как раз подскочившего ко мне от алтаря, но промахнулся, попал в плечо. Толстяк в кресле заухал, забасил что-то, и все трое одновременно набросились на меня. Размахивая арматурой, я прикрыл лицо, отворачивая голову: удары сыпались градом по голове, плечам, груди. Потом кто-то вмазал мне в живот, и я чуть не задохнулся. Воздух улетучился из легких, как из пробитого надувного шарика; бросив арматуру, я согнулся, поджав ноги к груди, чтобы умерить боль.

Они потащили меня к кресту. Я наконец смог вдохнуть и вновь начал отбиваться, но на этот раз вырваться не сумел: меня уложили на спаянные трубы, руки развели в стороны и вместе с ногами стали привязывать лохматыми промасленными веревками.

– Вы что делаете?! – засипел я, все еще ощущая ноющую тяжесть в животе и не в силах кричать. – Отпустите, уроды!

Конечно, ни к чему мои стоны не привели. После того как конечности оказались прикрученными к трубам, рабы подняли крест; двое забрались на алтарь, третий стал подталкивать его снизу. Наконец его приподняли и вставили основанием в отверстие на середине алтаря.

Я повис, извиваясь и дергаясь. Привязали меня неумело, освободиться – не проблема, но на это требовалось время, а его-то как раз и не было. Крест был повернут так, что жирного в кресле я видел лишь краем глаза. Помахав копьем, он ткнул наконечником в мою сторону. Двое встали перед алтарем; сквозь бормотание донесся звук шагов, я извернулся, глядя за правое плечо: третий приближался ко мне с пучком заточенных электродов и большим молотком.

Звон, звучащий все это время приглушенно, всколыхнулся и будто разросся, набух, заполнив все вокруг. Я пытался вырваться, выпученными глазами глядя на приближающегося человека, чувствуя, что веревки уже ослабли, еще немного – и сумею освободить правую руку. Но времени не осталось совсем: мужчина положил электроды на край алтаря и стал залезать.

Остальные опустили на колени, а этот, взяв один электрод, выпрямился. Скрипнув зубами, я что было сил дернул плечом. Веревка треснула, будто надломленная палка, прогнувшиеся волокна уже готовы были порваться, но тут заточенный, как игла, конец электрода уперся

в рукав куртки на левом запястье. Бледная худая рожа, лишенная и подобия мысли, с затынутыми пеленой зенками, оказалась прямо передо мной. Крепко сжимая электрод за середину, раб поднял молоток высоко над головой, примериваясь. Я дернулся вновь, да так, что предплечье пронзила боль. Молоток резко опустился, ударил по электроду, и тут стена зала за спиной раба проломилась.

Во все стороны полетели обломки; вместе с серым утренним светом внутрь хлынула вода.

И одновременно веревка на правой руке лопнула. Локтем я оттолкнулся от трубы, резко подавшись вперед, нагнув голову, словно бык, в ярости бросившийся на врага. Лоб врезался в лицо мужчины, одновременно молоток ударил по тупому концу электрода – второй, заточенный, со скрежетом пробил мои наручные часы, в которые упирался, соскользнул, пробороздил ржавую поверхность трубы, оставив на ней серебристый зигзаг.

Получив удар по носу, мужчина вверх тормашками полетел с алтаря. Он упал, опрокинув двоих коленопреклоненных рабов, но я лишь краем глаза видел, что там происходит, потому что был занят – рвал освободившейся рукой веревки.

Бьющая сквозь пролом вода омывала алтарь, быстро наполняя зал. В широкое отверстие, сквозь которое она вливалась, просунулся железный нос катера, украшенный станиной с гранатометом. Рядом возникло лицо Пригоршни; стоя на палубе, он наклонился вперед, заглядывая.

– Никита! – заорал я и, высвободив наконец правую руку, нагнулся.

Надсадный звон будто разросся, заполнив собою окружающее пространство, сам стал этим пространством, каждым предметом в нем, стенами зала, сводом и полом – а после лопнул.

Будто пелена спала с моих глаз: я увидел, что нахожусь в помещении с низким потолком, вокруг дерево, а не железо... Я был в трюме баржи!

Толстяк в кресле обернулся зомби, необычайно жирным, распухшим, с отечной серой рожей и мертвыми глазами. Лица рабов поплыли, смазались... Я увидел Витьку, Стечкина и Серого. Крест так и остался крестом из сваренных труб, зато чугунный алтарь превратился в большой, сбитый из бревнышек поддон.

Сорвав веревки с ног, я сделал шаг, и правая ступня провалилась в щель между досками. Вода прибывала, плескалась вокруг, покачивая тело мертвеца, раньше распятого на кресте, где чуть было не распяли и меня... Это был Копытыч! Я узнал его сначала по непомерно огромным ногам – должно быть, он носил обувь пятьдесят шестого, если не пятьдесят восьмого размера, потому-то его и прозвали Копытычем, – и лишь затем разглядел знакомые черты в грязном, заросшем щетиной лице.

Раздался крик, мимо плеча пролетел кусок арматуры. Пригоршня, упав на одно колено, поднял «беретту» и выстрелил несколько раз подряд. Высвободив ногу, я спрыгнул с поддона в воду, обернулся: всех сталкеров из группы Медведя первая волна отнесла к стене, теперь Серый неуверенно топтался там, пялясь перед собой пустыми глазами, а Стечкин с Витьком шли ко мне.

Очередная пуля из пистолета попала в зомби, но это не произвело на страшилу особого впечатления. Кряхтя, он уперся в подлокотники кресла широкими лапищами, встал и сделал шаг. Пригоршня повернул гранатомет, я выкрикнул: «Не в него!» – но было поздно: Никита выстрелил.

Граната, с шипением пролетев через весь трюм, ударила в распухшую грудь и взорвалась. Массивное тело раскрылось, как чашечка цветка, распустилось дрожащими темно-красными лепестками, брызнув во все стороны кровавым нектаром. Зомби отбросило назад, опрокинув кресло, он врезался в Серого.

– Не в него! – проорал я, с трудом пробираясь вперед, навстречу потоку. – В контролера стреляй! Вон он! Под стеной!

Никита заморгал, прищурился и наконец увидел того, кого я сумел разглядеть лишь за пару мгновений до взрыва гранаты.

Контролер – спутанные темные волосы, пухлая морда, пороссячи глазки. Сильная тварь, раз могла столько времени удерживать под пси-контролем четверых, заставила их распять товарища, навела иллюзию железного подземелья, а после сумела подчинить и меня, да так, что я не только с самого начала ничего не заметил, но и потом, на протяжении всего времени, пока находился под ментальным колпаком, даже не подумал о контролере, о вероятности того, что окружающее – галлюцинация... Он был тем серым кардиналом, кто направлял действие безумного спектакля и создавал декорации, – но когда выстрел из гранатомета разрушил борт парома, даже эта тварь не смогла противостоять нахлынувшей реальности.

Однако и теперь он еще мог управлять тремя мужчинами и при этом прятаться от нас, наводя морок. Серую фигуру, притаившуюся в дальнем углу трюма, скрывала блеклая пелена, тени клубились вокруг нее, наползали, то густели, то становились разреженнее...

Сталкеры из группы Медведя были уже все равно что мертвы: слишком долго находились под пси-контролем, мозги их теперь превратились в труху. Стараясь не думать о здоровых мужиках, чья жизнь закончилась или вот-вот закончится так ужасно, я поспешил к напарнику. Уровень воды быстро увеличивался, баржа опускалась, и катер начал всплывать в трюм. Чтобы удержать его на одном месте, Пригоршня ухватился за край пролома.

– Быстрее давай! – крикнул он, сжимая пистолет свободной рукой и целясь мне за спину.

На ходу я оглянулся: зомби плавал брюхом кверху в потемневшей от крови воде, двое сталкеров, которых тварь перестала контролировать, неподвижно стояли под стеной, будто манекены, не замечая воду, доходившую им до груди, а Стечкин брел за мной: контролер до сих пор управлял им. Серые тени вокруг замершей в углу фигуры на мгновение разошлись, и я увидел бездонные темные глаза, в которых тускло светился нечеловеческий, безжалостный и очень странный разум. Все поплыло, закачалось, звон, стихший после того, как появился катер, зазвучал вновь. Я остановился. Глаза увеличились, стали размером с блюдца, а затем превратились в солнца, два черных светила, горящие мертвенным светом, которые беззвучно говорили: *иди сюда, ко мне, возвращайся...* Покачнувшись, я начал поворачиваться, медленно, помимо воли переставляя ноги.

Громыхнула «беретта», и глаза моргнули.

Два черных солнца исчезли, наваждение прошло: Пригоршня попал твари в брюхо. С одного пистолетного выстрела их не убить, но он заставил мутанта ослабить пси-контроль, сломал иллюзию. Преследовавший меня Стечкин остановился, остальных течение уже опрокинуло и закружило под стеной.

Я был в метре от катера и потянулся к нему, собираясь ухватиться за борт, когда над головой что-то тяжело заскрипело, переборки издали низкий стон, и баржа стала крениться, дальним бортом уходя в глубину. Пол под ногами сдвинулся, вода заклокотала, стремительно вливаясь внутрь, – меня потянуло назад.

Катер боком внесло в трюм, а я с головой ушел под воду. Забился, отталкиваясь от скользких досок, пытаюсь всплыть, и тут сильная рука ухватила воротник куртки.

Никита выволок меня на борт, одновременно дергая рукоять подвесного мотора на корме. Тот забулькал, закричал и включился, выплюнув струю сизого газа, остро пахнущего бензином. Перевалившись через борт, я рухнул на дно, хрипя и фыркая. Встал на четвереньки, помотав головой, выпрямился – катер плыл прочь от быстро уходящего под воду, сильно накренившегося парома. Позади все клокотало и шипело, над бушующей рекой вспухали огромные маслянистые пузыри, между которыми водовороты выносили доски, какой-то мусор, обрывки ткани и палки.

Пригнувшийся возле мотора Никита повернулся ко мне и ухмыльнулся. Я сказал:

– Там еще карлик был. На самом деле это, наверное...

Позади катера из воды вынырнула псевдоплоть.

* * *

Тварь эта жутенькая, но не слишком опасная, хотя иногда может доставить неприятности. Я уверен, что псевдоплоть – не просто мутант, потому что никакая радиация не способна привести к появлению подобного создания: неповоротливая свиная туша на четырех крабьих ногах, морда, сочетающая звериные и человеческие черты.

Подняв фонтан брызг и разевая узкий безгубый ротик, псевдоплоть высоко выпрыгнула из воды, перемахнув через мотор, упала на Пригоршню.

Он успел вскинуть пистолет, но выстрела не последовало, скорее всего, закончились патроны. Псевдоплоть попыталась вонзить в бок Никиты свои костяные ноги, но напарник повалился на спину и вытянул руки, сумев удержать тварь; клешни щелкнули в сантиметре от его груди.

– Сука! – выкрикнул он, и она неразборчиво залопотала в ответ, кривя ротовое отверстие: «*Шука, хука, хуха, хрюка*»...

Поднятые тонушим паромом волны мотали катер из стороны в сторону. Я кое-как встал, сделал шаг к Пригоршне, чтобы скинуть с него псевдоплоть, но он уже справился сам: согнув ноги, уперся ей в брюхо и толкнул. Выкрикнув напоследок какую-то бессмыслицу и щелкнув клешнями, тварь рухнула на мотор мягкой спиной, изогнувшись, суча в воздухе костяными ногами, и скатилась с другой стороны.

Прямо на опущенный в темную воду винт.

Мотор взревел, потом заурчал, как огромный кот. Вода взбурлила, словно за кормой началось извержение небольшого вулкана. Добравшись до Пригоршни, я помог ему встать. Придерживаясь друг за друга, мы одновременно потянулись к мотору, чтобы выключить его... Поздно. Вместе с фонтаном воды во все стороны взлетели ошметки мяса, а затем мотор заглох, и после его рева разлившаяся над Припятью тишина показалась оглушающей.

Светлело, осенний день расползлся по Зоне. Течение несло катер по середине реки, немного ближе к левому, пологому берегу.

– Вот же уродство! – с чувством сказал Пригоршня, переворачивая мотор на палубу и разглядывая его. – Так все удачно шло – тут на тебе, плоть эта откуда-то выскочила!

Он пнул ни в чем не повинную железяку и сел у кормы, свесив руки между колен. Я устроился на ящике возле носа, снял порванную куртку, через голову стянул рубаху, обмотал ею торс – рана на спине была неглубокой, но все еще кровоточила, – затем надел куртку.

– Попить есть чего?

– На... – он бросил мне флягу. Отвинтив крышку, я принял к горлышку и принялся жадно глотать тепловатую воду. Потом вытер губы.

– Ну, рассказывай.

– Да что рассказывать... – Пригоршня махнул рукой. – Грузовик тот, помнишь, как перевернулся? Это в него два кабана разом врезались. Причем необычные какие-то, я раньше не видал таких. Здоровенные очень, мне аж поплохело, когда они из-за памятника выбежали. Такие... Ну, по плечи нам, и ноги как балки. Они грузовик и своротили.

– Ты ж на нем стоял, как тебя не раздавило? – спросил я. – Или по ступеням не размазало?

Он пожал широкими плечами.

– Да я спрыгнуть успел. Сиганул оттуда со страху – как все равно заяц какой, и «Грозу» свою при этом упустил. По ступенькам покатился, локоть расшиб... Но ничего, вскочил и деру дал, потому что один кабан за мной побежал. Думал я в окно запрыгнуть, так там в стене окон не было вообще. Я за угол завернул, встал на колено и давай зверюгу эту поливать... У меня уже гранат не было, понимаешь? Я ж тебе говорил в баре: больше надо брать, а ты – не надо, тяжелые, идти далеко...

Я хмуро посмотрел на него.

– Ну ладно, ладно! В общем, целый рожок потратил, но таки свалил его, башку, понимаешь, разворотил – а он все бежал и бежал... Но прям возле угла упал все же, ногами своими брыкнул и сдох. А за ним уже крысы, да и псы там были, потому я дальше от них... Обогнул весь кинотеатр, думал, может, ты с другой стороны выскочишь, но ты так и не появился. Потом... В общем, долго рассказывать.

– Но почему ты к парому приплыл?

– Так за тобой же, – удивился он.

– Это я понял. Но откуда ты знал, что я там? ПДА?

– Ха – ПДА! Он у меня вообще ни черта не показывал...

– Что, и ребят Курильщика тоже? Я когда по Чернобылю бегал, нашел одну машинку, так включил, и она показала, что они на пароме. Потому туда и поплыл.

Напарник помотал головой.

– Не, не знаю. Мой молчал, как партизан, пусто по всему району. То есть Чернобыль вижу на карте, Припять вижу, но ни одной метки во всей округе. Вот... – он привычным движением отдернул рукав, посмотрел и коротко выругался.

– Что? – встав, я шагнул к напарнику.

– Тут... Ё! Исчез...

– Медведь?

Никита показал мне пустую карту на экране.

– Фиолетовая метка, да. Только что возникла, там, возле поворота. И...

Метка появилась опять. Она пульсировала в быстром темпе.

– Что это значит? – изумился Пригоршня.

– Не знаю. Что-то похожее и я видел.

Метка не перемещалась, лишь мигала, оставаясь на месте. Еще почти минуту мы пялились на нее, после чего я вернулся к носу катера.

– Ладно, дальше рассказывай. Как ты меня увидел?

– Ну как – в бинокль. Уже темнеть стало, я на берегу залег, на пристани паромной бывшей. Там такой домик, то есть не домик, а будка железная, с крышей, – на ней и устроился. Крысы туда залезть не могли с собаками, вокруг только бегали. К тому времени я уже и «Кипарис» бросил, вернее, когда патроны закончились, я им башку крысиному волку раскроил, ну он и зацепился скобой за дыру в черепе... В общем, и его я вслед за «Грозой» упустил.

Ну вот, лежу, значит, на этой будке, а в городе пожар начался. Делать-то нечего, вроде и страшно, а вроде и скушно, так я в бинокль стал глядеть: туда, сюда... Вдруг вижу: ты! Как ты к парому подплыл – это я пропустил, но гляжу – ты по палубе шастаешь, между машин пробираешься, осторожно так, по сторонам зыркаешь. Но далеко, кричи не кричи, ясно, что не услышишь. В рубку залез, и потом уж совсем темно стало, ни хрена не видно. Во, я и подумал: ты там дрыхнуть устроишься, в рубке. А утром раненько я, значит, лодку раздобуду и тебя оттуда вытащу. Хотя как-то мне не по себе было, потому что паром этот... Ну, сам знаешь, что о нем говорят. Стремное, в общем, место. К тому времени зверья вокруг поубавилось, тише стало, хотя наверху, на холмах, огонь везде, трещало там да шипело. Но я задремал помаленьку, потому что ведь устал сильно, пока бегал-прыгал. Вот, а через пару часов будто толкнуло что-то: проснулся. Да не просто проснулся, а аж подскочил. Что такое?! Вроде тихо, зверей уже совсем нет... Достал бинокль, стал опять глядеть... И вдруг понимаю: паром светится! Ну – ё! – точно как говорили, будто внутри у него свет такой... таинственный, понимаешь? Загадочный.

– Да уж, – кивнул я, – понимаю.

– Ну вот. Видно все равно плохо, но из щелей этот свет наружу выходит, и что? – Пригоршня сделал большие глаза, поднял руки и пошевелил растопыренными пальцами. – Гляжу: тебя тащат! Нет, на самом деле толком я не мог увидеть, только разобрал, что двое каких-то

таких... согнувшихся таких, сгорбленных, тянут чего-то по палубе, не то мешок, не то тело. В общем, я решил, что это, наверное, ты и надо тебя спасать. А перед тем как заснуть я, понимаешь, со скуки когда в бинокль пялился, то ведь не только на реку, но и по сторонам, на город горящий, на берега... И увидел в стороне от пристани, среди кустов, стоит этот, как его... лодочный сарай, во. Ну, ангар такой, хотя не ангар все же, потому что приземистый очень, крыша ниже моей головы, и одной стороной прямо в воде он. И я подумал: если это дело на отшибе стоит, да среди кустов густых, так что я его только с будки углядеть и смог, то, может, внутри осталось что-то, не успели разграбить, не заметили? Потому что если к парому мне плыть, то – на чем? Надо лодку искать. В общем, слез я и пошел туда. Автоматов, говорю, уже не было у меня, только вот пистолет... – Он похлопал по лежащей рядом «беретте». – Ох и страшно идти было! Но зато в ангаре катер оказался, и еще канистра с бензином, да к тому же и гранатомет у него на носу. И две гранаты в ящике лежали, в том самом, на котором ты вон сидишь. Ну и вот...

– А к парому? – перебил я. – К парому не страшно было плыть?

Он ухмыльнулся.

– Страшно, Андрюха. Честно скажу: чуть в штаны не наклал.

– Ага. – Я повернулся к гранатомету за спиной и стал его рассматривать, медленно поворачивая. – А дальше что?

Это оказался «Марк-19», то есть американский «Мк», с электроспуском, чтоб на всякую технику его ставить. Оружие мощное, но эта модель – ненадежная, можно сказать, нам повезло, что он два раза подряд без всяких сбоев выстрелил.

– Ну, что... Подплыл, залез на палубу, сунулся к той дыре под автобусом, куда тебя, как я видел, утащили. И чувствую: не так что-то. Такое это... ощущение, понимаешь. Ну точно, думаю, там, внизу, контролер сидит! Эх! Я ж их как все равно ты крыс – боюсь я их зверски просто. Лег животом на палубу и только башку в дыру свесил – сразу звон, в голове пасмурно стало... Сильный контролер, значит. Может, меня и не почуял еще, но все равно вокруг него такое как бы поле, которое уже действует, мысли туманит. Но все же кое-как я разглядел, что внизу. Часть поддона увидел здорового, крест на нем из труб и чувака какого-то, который висел...

– Это Копытыч был, – вновь перебил я, и Никита удивленно смолк, уставившись на меня. – А ты не узнал его там?

– Не! Еще темновато было, я только Стечкина в конце узнал. А те, другие?

– Витек, Серый, Дроля, только я его из автомата до того успел... Они ж Копытыча и распяли, их контролер принудил. Забавлялся он так, наверное, хотя не разберешь ведь, что у контролеров в голове. Слишком у них того... нечеловеческий ум.

– Это да, – согласился он. – Выходит, второе тело возле башни – это Горбун? Ну, слушай дальше. В общем, все, что там внизу было, я рассмотреть не мог, но увидел, как они тебя к трубам этим подтащили и стали приматывать. Что мне делать было? Непонятно ж, сколько там всего народу прячется, а я без автомата. Я в катер обратно прыгнул, отплыл немного и гранатой по борту саданул. Так очумел, думая, что вот сейчас прям тебя к кресту присобачат, что и не соображал особо, чего делаю, наудачу пальнул. Но паром дряхлый совсем, железо ржавое, дерево сгнило... В общем, вышло у меня, а, Химик?

И он самодовольно ухмыльнулся.

Но тут же улыбка с его лица спала, взгляд Пригоршни обратился поверх меня, в сторону, куда течение несло катер. Я к тому времени, осмотрев гранатомет, вновь сидел лицом к корме. И поворачиваться мне не хотелось.

– Что? – спросил я. – Только не говори, что водопад. Нет на Припяти водопадов.

Он помотал головой.

– Не-не, поворот там.

– Поворот... Чего ж у тебя рожа сморщилась? Пристаем к нему сейчас, вон весло под бортом валяется, подгребем. Медведь, судя по метке, там рядом.

Он быстро глянул на ПДА.

– А она исчезла уже, метка-то.

– Ну и хрен с ней, – сказал я. – Все равно черт-те что с ними тут происходит.

– Хрен так хрен, я не о том. Там развалины какие-то, на берегу, где поворот.

– Что, опять руины? – забеспокоился я. – Слушай, но хоть без водонапорной башни?

– Какая башня, Андрюха? Да что ты на меня пялишься? Возьми и сам погляди, елки-палки!

Я нехотя обернулся, предварительно отдернув рукав куртки и глянув на часы. Забыл, что они разбиты. Эх, жалко, они со мной уже столько лет! Это отца часы, мне их его старый друг принес, бывший военный, когда батя пропал. Но теперь не починить, конечно, после такого-то удара – нечего там чинить, циферблат пробит вместе со стеклянной крышкой, стрелки сломаны, а от механизма только железная кашица осталась. Я снял их и бросил в воду, после чего, выпрямившись во весь рост и придерживаясь за пулемет, стал смотреть вперед.

Река там действительно делала крутой поворот. В этом месте она разлилась, образовав обширное болото. Из него торчали кирпичные стены, покосившаяся кладка, стояли торчком бетонные плиты, и за всем этим виднелась тарелка радара.

– Это что, база какая-то? – недоуменно спросил я. – Военная?

– Вроде того, – ответил Никита. Катер качнулся, когда он тяжело прошел от кормы и встал рядом со мной.

– Да откуда она взялась? Ведь нет тут никакой базы!

– Откуда знаешь? Ты разве бывал раньше в этих местах?

– Только проходом, давно. Но я бы знал все равно. И ты бы знал. Что, скажешь, нет? Слышанное дело: база вояк прям возле Припяти, а мы про нее никогда ничего...

– Да, может, это связисты, кому какое дело до них? Видишь, тарелка... Нет, вообще ты прав, конечно, – согласился он. – Почему мы ничего про нее не знаем? Как такое может быть?

Катер вынесло со стремнины, течение замедлилось, но он продолжал плыть, приближаясь к топкой излуине, над которой возвышалась покосившаяся бетонная ограда, вся в трещинах и проломах.

– Такое может быть, только если ее раньше тут не было, – произнес я наконец.

– Чего? – спросил он. – Как это, ты про что? Что значит – не было, если оно, видишь, покоцанное все?

Я поморщился.

– Ну что за жаргонизмы, Никита? «Покоцанное»... Ты, конечно же, хотел сказать «обветшалое»?

Он почесал коротко стриженный белобрысый затылок.

– Ага, оно самое. Обветшалое. Ну так как это, Химик? Что значит – «раньше тут не было», если видно, что это все не вчера построено, а уже много лет стоит?

Я покачал головой.

– Не знаю, напарник.

– А Медведь, выходит, где-то там, на этой базе, прячется. Блин, какой вообще толк от этих ПДА, если они тут ни черта нормально не показывают!

– Э нет, подожди. Твоя метка по Чернобылю моталась туда-сюда, цвет меняла, а потом совсем исчезла – но она таки *была*, и ты в Чернобыле тоже в тот момент был. И метки тех, кто под водонапорной башней находился и на пароме... То, что здесь вся система позиционирования из рук вон плохо работает, – правда. Но какую-то информацию она все же дает. Медведь впереди, Никита, причем недалеко.

Глава 5

Мы бросили катер, после того как он окончательно застрял, погрузившись в мягкое илистое дно. Ограда из бетонных плит была совсем близко. Я вооружился веслом, Пригоршня в одну руку взял нож, а во вторую «беретту», которую сжал за ствол, чтобы в случае чего наносить удары рукоятью.

База казалась пустой и давно заброшенной.

– Черт, как голым себя чувствую, – пожаловался напарник, заглядывая в пролом, а после осторожно шагая вперед.

Тут я был вынужден с ним согласиться. Кажется, впервые мы находились вне лагеря сталкеров или другого относительно безопасного места без нормального оружия. А в Зоне без оружия ты все равно что мертвец. У нас же только нож – правда, хороший, и Никита им владеет прилично, – весло да разряженный пистолет.

– А в сумке у тебя? – спросил я. – Той, что ты на поясе носишь? Я ж тебя знаю, ты всегда боеприпасы всякие рассовываешь по карманам... Неужели пусто? Обойма лишняя, к примеру?

Он покачал головой.

– Не, нету ничего такого сейчас.

Шли медленно, настороженно осматриваясь; вскоре миновали сильно накренившийся бетонный столб, с которого свисали обрывки проводов, украшенный разбитым фонарем.

– Как за Медведем-то сходили, а? – продолжал жаловаться напарник, осторожно ступая по заболоченной земле. – Ведь с самого начала ясно было: что-то не так тут...

– Это мне было ясно, что не так, – перебил я. – А ты все твердил: бедный Медведь, попал в передрыгу, надо его спасать...

– Ну так и попал. А что, нет разве? Вон, все мужики, которых Курильщик с ним отправил, погибли...

– Да вот что-то меня сомнения берут, что они случайно там погибли.

– В смысле? – не понял он.

Я помолчал, пытаясь сформулировать обрывочные мысли во что-то более связное.

– Медведь с чего-то взял, что поле артефактов именно в этом районе. Все здесь облазал вместе с Рваным и Турком. Помнишь, когда он без них как-то вернулся и сказал, что сгинули? Вон там, возле башни, они и сгинули.

– Ну и откуда ты это понял? – спросил он.

– Оттуда, что я грузовик вспомнил.

– Какой? Тот, что... А! – чуть не выкрикнул напарник. – Медведь на военном грузовике разъезжал, ну точно! Еще когда с теми двумя был...

– Вот. Я уже потом это сообразил. Значит, допустим, они к башне приехали, оттуда полезла эта штука и Турка с Рваным съела. Растворила то есть. Возле колес там кости лежали, правильно? А Медведь спасся – он же всегда везучий сукин сын был. Видно, им такая же паника овладела, как и нами, и он с перепугу грузовик бросил, пешком убежал. Наверное, напарники его рядом с машиной были, а он отошел куда-то... Получается, их сожрало, его нет. Грузовика лишился, но узнал про башню, секрет ее. Как про контролера узнал на пароме, а сам ему при этом не попался... Ну точно! – вдруг понял я. – Кристальные колючки!

Никита секунду глядел на меня, потом и до него дошло.

– Это когда Медведь у нас две штуки купил?

– Правильно, те, что мы возле Темной долины добыли. Колючки на поясе и помогли ему не попасть под влияние контролера, вот в чем дело. Почему он контролера не убил – не знаю, но, в общем, оставил тварь живой.

– Ну ладно, и к чему ты это все ведешь?

– Сам пока не знаю, надо подумать еще. Ты не лупай на меня глазами, а под ноги гляди. Что-то оно ненормально здесь...

– Чего ненормального? – спросил он, оборачиваясь.

– Ну ты сам не видишь? Болото от берега начинается, от воды. Там оно должно быть более топкое, нет? Дальше – суше становится. А тут что? Наоборот...

– Вправду, – согласился он, сообразив наконец, о чем я говорю. – Странное дело.

Если поначалу земля под нами просто прогибалась, то теперь остающиеся позади следы тут же заполнялись грязной жижей. Дойдя до бетонных плит, уложенных «лесенкой» почти в человеческий рост высотой, мы остановились. Впереди высилась башня необычной формы, на верхушке виднелась радарная тарелка; по сторонам были угрюмые строения, не то бараки, не то склады армейские, между ними росли черные безлистые деревья. И все это – посреди натурального болота, не чета тому, по которому мы сейчас шли, – с тинистыми заводями между кочек и бочажков, с низкой осокой, растущей прямо из воды, с островками блеклой зелени.

– Ух... – Пригоршня поежился, оглядывая все это. – Тускло как, а? Пожрать нам, что ли?

– А у тебя есть?! – обрадовался я.

– А то!

– Так что ж ты молчишь?

– Да где тут расположиться? И потом, Медведь близко...

– Поесть все равно надо. Давай наверх залезем и спрячемся там, – предложил я. – Поедим быстро, а заодно местность осмотрим.

С этими словами я стал взбираться на неровно уложенные плиты, шагая по ним, как по ступеням, и Никита полез следом. Мы улеглись на животы, чтоб не маячить, так что снизу нас было не разглядеть. Напарник расстегнул куртку – я увидел небольшой контейнер на его ремне справа и сумочку-кенгуру слева. Дзинькнув «молнией», он достал запаянный в пленку «малый спецпакет ограниченного миротворческого контингента».

– Вот что у меня вместо боеприпасов, – пояснил он, по привычке ножом вскрывая пакет, хотя я его учил, что там сбоку есть специальная полоска серебристая, которую надорвать надо.

Это был европейский сухой паек: аккуратно нарезанный хлеб, брикетки спрессованной мясной стружки, крабовые палочки, четыре пакета фруктового желе, пара банок саморазогревающегося куриного бульона, что-то еще в цветастых обертках и упаковка жвачки. Я аж губами причмокнул: хорошо! В Зону чаще попадали украинские наборы, которые были гораздо хуже, – то хлеб в них заплесневелый, то сушеная рыба позеленела от старости. А такое, как Пригоршня достал, выдавали солдатам ооновских войск. Вообще украинских военных на Кордоне было немного, все больше российские да европейские, хотя последние никуда старались не лезть, сидели по своим базам и лагерям, обнесенным, будто тюрьма, колючей проволокой и оградой с пулеметными гнездами через каждые двадцать метров. Пригоршня позже меня в эти места попал, и когда я ему объяснял, что здесь по периметру в основном западные да еще российские вояки, удивлялся очень. Спросил:

– А чё, украинцев совсем нет?

– Почти. Откуда им взяться? – ответил я тогда. – Ну какая тут армия? Три генерала да рядовой, который им дачи строит? Потому тут наши все больше...

– «Наши», – передразнил он. – Москаль хренов. Тут теперь все – «наше» и все мы – «наши».

Я отрезал:

– А ты молчи, хохол, от тебя вообще пользы никакой, только сало на печи жрать умеешь.

Но в действительности у нас с ним на национальной почве трений не возникало, потому что Никита тогда правду сказал: Зона иначе равняет, по твоим истинным достоинствам и недостаткам, а не по тому, какого ты роду-племени. Тем паче обычно и не разберешь, кто украинец,

а кто нет, потому что все на русском говорят одинаково, разве что у местных иногда легкий акцент бывает, «шокают» они и «гыкают».

В общем, хорошо, что у него заграничный паек оказался. Съели мы его быстро, после чего напарник открыл упаковку жвачки.

– Слушай, Химик, а ты разглядел, что это тогда из башни поперло? – спросил он.

– Нет.

– Но хоть думаешь что-нибудь?

– Думаю, это аномалия была, – сказал я.

– Чего? Какая аномалия, ты что несешь? Она ж двигалась и нас преследовала.

– Откуда знаешь, что преследовала? Может, ты ее просто включил, когда ту дверь открыл, и она сработала, расширяться стала, а после назад втянулась? Ну или проснулась... Ну, живая она.

Он застыл, не донеся до рта пакетик с желе.

– Да как же – «живая»? Аномалии не живые! Они... это...

Я насмешливо глядел на него.

– Они такие...

– Какие?

– Ну, такой феномен, – неопределенно закончил Пригоршня.

– Ага. И вдруг та, что в башне пряталась, – живой феномен? Такой энергетический организм.

– Разумная аномалия? – не поверил он.

– Не обязательно разумная. Амебы, если в микроскоп смотреть, тоже разумными кажутся. Может, что-то вроде псевдоплоти...

Во время еды мы по очереди приподнимались, глядели по сторонам, но никакого движения ни разу не засекли, лишь вдалеке птицы иногда перелетали с дерева на дерево. Стояла тишина, только ворона каркала где-то – равномерно, тоскливо. Утро, а солнца не видно, свинцовая пелена затянула небо. За строениями висел густой пепельный туман. Зябко, влажно; дух от болота шел тяжелый и какой-то осенний, холодный.

Доев, я взял весло и полез вниз, но на середине остановился и спросил:

– Посмотри еще раз, ничего интересного не видно?

Он достал бинокль, осмотрелся и тоже стал спускаться, глянув на ПДА.

– Не. Тихо, как тогда, возле башни. Давай радар обойдем и посмотрим в бараках? И за ними? Отсюда я не вижу, что там дальше. Может, конец этой базы, а может, и еще у них что-то построено. Надо Медведя наконец найти.

– Надо, – согласился я.

* * *

Обойдя башню, мы встали под ней.

– Не, не радар это, – объявил напарник.

– Ясное дело.

– Ты глянь, тут их четыре, тарелки эти, в разные стороны направлены. И потом, они ж решетчатые вон, на радарх не такие. Странная какая-то штука, я таких никогда не видел. И ты послушай – она ж работает!

Вслед за ним я прижался ухом к железной стенке башни и различил гудение: возможно, где-то в глубине постройки работал трансформатор. Я предположил:

– От кабелей каких-то подпитано подземных.

– Ну и что это, Химик? Ты ж ученый у нас, вот и объясняй.

Я пожал плечами.

– Понятия не имею. Хотя постройка интересная, конечно. Ладно, идем.

Дальше тянулось настоящее болото, и я решил, что пойду первым, поскольку у меня было весло, которым можно тыкать перед собой, чтоб не уйти ненароком в трясины по уши.

Через некоторое время я сказал:

– Слушай, куда мы вообще после этого дела собирались? К Курильщику назад, так? А ну посмотри, в каком он отсюда направлении.

Часы Пригоршни, в отличие от моих, остались целы, а там кроме обычного циферблата со стрелками еще и компас. Он поглядел и нахмурился.

– О! Это еще что за чертовщина?

– Что там? – спросил я, делая шаг к нему. Напарник показал часы. Слева на циферблате был небольшой ободок с тонкой стрелкой компаса, и она равномерно кружилась, будто кто-то медленно водил вокруг запястья магнитом.

– Так... – Это мне окончательно не понравилось, и я замер, прислушиваясь к ощущениям, но не чувствуя ничего особенного: ни холодка под ложечкой или мелкой внутренней дрожи, ни озноба, испарины, ничего, что обычно сопровождало приближение аномалии или начало каких-то бурных событий. Этой способностью меня, как я думаю, наградил отец. Он сам из Вологды, потом попал в этот район, женился на местной, живущей неподалеку от Кордона (с *другой* стороны, конечно, но все равно – в довольно опасном районе, когда-то попавшем под радиоактивное заражение), и вскоре после этого я родился. Матери почти совсем не помню, она рано очень умерла, а была, по словам отца, женщиной странной, молчаливой и отрешенной. Я не совсем уверен, может, это мне привиделось по малолетству, а может, и правда, но с детства в памяти осталась одна картина: мать, еще совсем молодая, почти девчонка, коротко стриженная и с запавшими глазами, сидит на стуле перед столом без клеенки, уставившись на стакан, который стоит на середине столешницы. Не моргая глядит на него – и вдруг он начинает ползти, медленно, чуть дрожа, сдвигается сам собой, пока не доползает до края, и тогда падает, разбивается, а мать сидит в той же позе, будто ничего этого не замечая. Когда она умерла, за мной приглядывала старуха-соседка, а отец то появлялся, то вновь надолго исчезал в Зоне. С детства меня окружали «разряженные» артефакты... Может, отсюда мои способности? Или от матери? В конце концов меня в интернат сдали, а после отец оплатил учебу в институте, потому что у меня интерес к химии проснулся. Ну а потом сгинул он, я тогда на последнем курсе учился. Выбирай жизнь. Выбирай будущее. Выбирай карьеру. Выбирай семью, стиральную машину, удобный диван и друзей. Я выбрал другое – Зону. Узнав, что произошло, институт бросил и пришел сюда. Собирался его найти, хотя мне и говорили, что нереально это, но главная причина в другом была: тянула меня Зона к себе, звала – неслышно, но настойчиво.

– И как тебе это? – спросил Пригоршня.

– Как... Хреново до невозможности, что компас ничего не показывает. Блин, куда же мы забрели, а?

– Не знаю. Что-то мне не по себе, – откликнулся он, поежившись.

С кроны дерева, растущего между бараками, шумно взлетела ворона и каркнула – громко, пронзительно, будто выругалась в сердцах. Никита наклонился, схватил камень и швырнул в нее, но, естественно, недобросил.

– Чеши отсюда! – выкрикнул он.

– Ты не психуй, – посоветовал я. – В Зоне это до добра никого еще не доводило.

Он покачал головой, насупленно глядя перед собой, потом сказал:

– Ладно, идем дальше. Может, в бараках оружием разживемся каким? А то с этим... – Напарник помахал разряженным пистолетом. – Я не чувствовал себя таким голым с тех пор, как в последний раз мылся.

Я пошел, цевьем весла проверяя путь, широко шагая с кочек на травяные островки и опять на кочки. Пригоршня, тихо сопя, топал сзади. Он чуть не налетел на меня, когда я резко остановился.

– Ты чего?

– Гляди... – Я присел на корточки.

Впереди было подобие кратера, конус с бетонными стенками, метров на двадцать утопленный в землю. Вода здесь становилась прозрачней, и я видел уходящую в глубину лестницу, тоже бетонную, – поначалу вполне отчетливо, а дальше она исчезала из виду, скрытая островками пены, неподвижной взвесью крупных грязевых хлопьев и какими-то желто-зелеными травянистыми сгустками, висящими в тоще воды на разной глубине. Примерно в десятке шагов под ногами на широкой ступени лежало тело в военной форме, рядом – каска. Лица мы не разглядели, но заметили чуть ниже оружие, которое мертвец держал за ремешок. Не то ружье, не то автомат, мне такое не встречалось. А дальше, едва различимая в наполнявшей нижнюю часть амфитеатра полутьме, просматривалась лежащая на боку массивная прямоугольная платформа с узкими гусеницами, необычной формы башней, откуда торчал короткий ствол.

– Слушай, да это же пушка! – сказал Пригоршня. – Ну точно! Пушка на гусеницах. Самоходная.

– Никогда раньше такого оружия не видел.

– А солдатика того, может, Медведь и завалил? – предположил напарник.

– Может быть. Надо это дело обойти как-то.

Но мы продолжали стоять, глядя в бетонный амфитеатр. Вода была неподвижна, тело внизу тоже. Травяные комья висели, будто странные дохлые рыбы, ступени уходили во мрак... Картина эта завораживала, казалось, что в застывшей болотной глубине помимо пушки и мертвеца притаилось что-то еще, какая-то сокровенная тайна Зоны.

– Неужто Медведь таки высмотрел здесь где-то поле артефактов? – пробормотал Никита. – Это ж какие деньжищи? Надо, надо если не Медведя найти, то поле это – обязательно, правда? Вездеход себе броневой оборудуем, с радаром, да с пушечкой, да с электроникой всякой. И большой, чтоб в нем спать можно было. Борода мне говорил, что может систему обнаружения такую смонтировать, что никакая сука втихаря не подберется, если мы не захотим ее подпустить. Слышь, Андрюха? Это ж песня, а не машина будет, только деньги нужны на это на все немалые...

Я бы тоже не отказался от подобной машины, но для Пригоршни «универсальный вездеход-броневичок» был особой страстью, голубой мечтой, ради которой он и жил все последние месяцы, после того как я однажды рассказал, что было бы неплохо заделать себе такую штуковину. Он сразу загорелся, стал расспрашивать, что я имею в виду, и в результате впечатлился этой идеей куда больше меня, ее автора.

– Идем, – решил я наконец. – А то будем до вечера туда пялиться да мечтать. Хотя... чувствуешь, тут вроде как время не двигается.

Внимательно глядя под ноги, чтобы ненароком не оступиться и не соскользнуть вдоль бетонного откоса, я стал огибать препятствие, и поспешивший следом напарник спросил:

– Что это ты про время? Как «не двигается», что это значит?

– А ты помнишь, сколько мы уже здесь?

Он помолчал, соображая.

– Больше часа, наверное.

– А освещение, видишь, такое же, как было. – Я махнул рукой вверх. – Светлее не становится, хотя мы ранним утром катер бросили.

– Ну так что? Осень ведь сейчас. Осенью так бывает, что целый день – будто сумерки. Пасмурно, потому что и солнца не видно.

– Это само собой, но меня такое ощущение не оставляет, будто тут все замерло. И время тоже, понимаешь?

Я не видел, но ясно понял, что за моей спиной Пригоршня пожал плечами.

– Не, – решительно сказал он. – Этого не понимаю.

Но все же мои слова заронили в его душу сомнение, потому что когда мы, оскальзываясь и переступая по кочкам, миновали уже половину кратера, напарник объявил:

– Ну вот, врешь ты. Я сейчас на стрелки глядел – идут себе, как всегда. Почти две минуты мы уже вокруг этой фигни бредем, ясно тебе?

Настала моя очередь пожать плечами.

– Это не показатель, Никита. Часы могут и тикать, а время остановилось. Хотя ты прав, вру я, конечно. Время не может встать, просто атмосфера тут такая. А ПДА твой как?

Он посмотрел и сказал:

– Нет, пусто. Слушай, а помнишь историю про потерянный взвод?

– Это ты всякие сказки зоновские собираешь по барам да лагерям, а я не очень-то ими интересуюсь.

– Ну так я расскажу! Вот слушай...

– Не надо, – перебил я. – Не хочу я твои бредни слушать.

– А ты все-таки послушай, – настаивал Пригоршня. – Очень мне эта история нравится. Однажды из НАТО прибыла делегация во главе с каким-то очень важным генералом, чуть не самым главным там у них. Тут, конечно, подсустились, сталкеров-бродяг поразгоняли, чтоб на глаза не лезли, скупщиков втихаря предупредили: никаких, мол, крупных партий товаров из Зоны наружу не пытаться в это время вывезти, а то накроется медным тазом весь ваш бизнес. Подмели все, розы красной краской покрасили... Ну вот, проехала, значит, эта делегация вдоль периметра, по Кордону прошла, а потом главному буржуинному генералу взбрело в его генеральскую голову дальше углубиться, чтобы, значит, заценить обстановку по полной программе. И он об этом своем желании всех оповестил. Тут, конечно, мельтешение началось, потому что очень ведь важная персона... И отрядили ооновцы свой взвод самых опытных вояк: пятнадцать автоматчиков, да трех пулеметчиков, да двух гранатометчиков, да одного связиста с самой мощной, навороченной рацией, и еще интенданта с бочкой варенья и корзиной печенья. В делегации, конечно, у всех мобильники имелись, но ты ж знаешь – здесь они почти нигде не работают. Сели они в вездеходы-броневики и поехали. Экскурсия всего день должна была продлиться, собирались вдоль Кордона по внешней стороне прошвырнуться, вглубь немного заехать – но немного совсем – и назад.

– И не вернулись? – предположил я.

– Ну! – сказал Пригоршня. – Откуда знал?

– Так история твоя как называется?

– А, ну да. В общем, пропал взвод вместе с главным генералом. Они связь с Кордоном чуть не постоянно поддерживали. А потом вдруг как отрезало. Замолкли и на вызов не отвечают. Но перед тем на какую-то странную дорогу выехали. Потому что у вояк проводник был, сталкер по имени Злой, который тогда считался лучшим специалистом по тому району Зоны, каждую тропку в нем знал, каждое деревце. На него вояки как-то вышли и заплатить ему пообещали очень прилично, он и подписался сопроводить их. Но, конечно, не как сталкер, его для этого дела обрядили в военную форму, и перед лицом высокого начальства он должен был сержанта изображать. Так вот он в рацию сказал, что, мол, экспедиция ихняя на какую-то странную дорогу выехала. Говорит, сколько лет тут брожу, а дороги такой не видел ни разу! Нет здесь этой дороги, не может ее быть, потому что раньше не было, – а вот же, есть! Широкая, земляная, прямая, посреди леса тянется, и деревья срубленные по краям лежат, аккуратно так. Но давно срублены, потому что уже сухие совсем. Очень, говорили, у Злого голос изумленный был. И он испугался – сказал воякам, что надо с той дороги линять. Но генерал, должно быть,

устал по ухабам трястись и захотел дорогу проинспектировать. И приказал по ней ехать. И поехали. Последние слова Злого были: дорога ровная, едем, что впереди – не видно, потому что солнце яркое и там туман такой желтый клубится. И все, потом – тишина.

Пригоршня замолчал. Я перепрыгнул на земляной островок, торчащий из жижи, потыкал веслом перед собой, шагнул дальше и сказал:

– Что, и все? Дрянная история, без морали и без финала.

– Морали в ней нет, – согласился напарник. – А финал еще будет, погоди, я не дорассказал. В общем, шум поднялся неимоверный: слуханное ли дело, такое начальство сгинуло! Полковника, который был ответственен за организацию экспедиции, – под трибунал, а еще буржуины два спецвзвода молниеносно прислали на супервертолетах. Те полетали-полетали над районом, где Злой в последний раз на связь выходил, – тихо, нет никого. И, главное, дороги широкой земляной тоже никакой нет! Они тогда сели, лес прочесали, окрестности – пусто. Ни тебе следов побоища, ни трупов, ничего. Делать нечего, пришлось им возвращаться. Ну и потихоньку улеглось все, забылось это дело, мало ли в Зоне странных вещей приключается. Как вдруг в лагерь к Толстому прибегает взволнованный сталкер Бажан, который со Злым дружил, и говорит: Злой на связь вышел, я с ним разговаривал! Тут такие рации, которые могут в этих местах работать, не у многих есть, но вот у Бажана была, потому что он здоровый лось и мог ее за собой таскать. Но, говорит, Злого слышно, только если возле домика лесника покойного стать в третьем юго-восточном квадрате, а чуть отойдешь – помехи, и он замолкает. Бажану, конечно, не поверили, но он заложился на тыщу евро, что правду говорит, и тогда подручный Толстого и еще двое сталкеров пошли вместе с ним. Возвращаются на следующий день в лагерь, затылки чешут. Говорят: да, как встали возле той сторожки, покрутил Бажан настройку – и голос Злого прорезался. Он так монотонно повторял: Бажан, где ты, это Злой, выходи на связь, эй, ну где же ты... Мы с ним заговорили, так он чуть с ума не сошел от радости, принялся кричать, смеяться, плакать... Мы спрашиваем: где вы находитесь, гражданин Злой? Он говорит: тут долина какая-то между гор. Дорога нас сюда привела, а дальше – нет ходу. Мы назад, а она пропала уже куда-то, не можем ее среди скал найти. Здесь водопадик, речка, два озерца и рощицы. Остатки колхоза еще. Звери всякие. А в горах живут... Тут шипение пошло, вой, треск в эфире. Злой кричит: выведите меня отсюда, братцы! Найдите меня, заберите, помогите... И все, и тишина.

Потом уже Злой ни с кем не разговаривал, не слышал, когда ему пытались отвечать, – хотя иногда отдельные сталкеры или вояки его слышали, в разных местах вдруг голос в рациях, а то и в радиоприемниках всплывал. Он, должно быть, со скуки или в надежде, что запеленгуют его и вытащить смогут, рассказывал, как там оно у них, что здесь и другие люди живут, и как военные с ними сцепились, да как экспедицию в горы отрядили... Последнее вроде бы от него сообщение было про то, что они «на небо залезли». Ну, это так... иносказательно. То есть они до вершин добрались, а потом он выкрикнул: братцы, оно бесконечное! Шар это, наверное, без конца и края! – и все, больше уже не слышал никто Злого, наверное, рация сломалась.

– А, так вот откуда у легенды про пузыри ноги растут, – кивнул я.

– А ты в них не веришь, значит?

– Нет, конечно. В Зоне много необычного, но пространственные искривления – это уже физика, понимаешь?

Пригоршня помотал головой.

– Не понимаю.

– Это нарушение физических законов.

– Та ну, а аномалии, карусель, к примеру, – это тебе не нарушение, что ли?

– Это локальный феномен гравитационный, а пространственные пузыри всякие... Слишком что-то глобальное, не бывает такого. Ладно, стоп, пришли мы.

Нет, болото не закончилось, но мы наконец добрались до первого барака – длинного, приземистого здания с покатой рифленой крышей и дверью в торце.

– Давай внутрь, что ли? – предложил напарник. – Надоело мне по этой топи прыгать.

Я налег плечом на дверь, открыл, увидел стоящего прямо передо мной мужчину и ударил его веслом по голове.

* * *

Никита сипло крикнул от неожиданности. Незнакомец – босой, в порванном камуфляжном комбезе прямо на голое тело, в синем берете – качнулся. С плеч его свисали ремни; справа было необычное ружье с очень тонким стволом, слева – «ингрэм», легкий пистолет-пулемет, который я не сразу узнал, потому что это была редкая «карабинная» модель с удлиненным стволом и выдвижным прикладом. Висел он там без кобуры, петля из более узкого ремешка продета прямо в предохранительную скобу.

Я врезал ему лопастью по голове; нормальный человек от такого удара свалился бы и вырубился минимум на минуту, но этот лишь упал на колени, схватившись за ружье. Цевье весла после удара сломалось. Как в замедленной съемке, видел я движения незнакомца: вот правый локоть ушел назад и вверх, будто у ковбоя, выхватывающего револьвер, вот пальцы сомкнулись на рукояти, напряглась обнаженная рука, поднимая тонкий ствол, из которого сейчас вырвется и вопьется в мое тело смерть... Никита что-то орал сзади, но я не слышал, вернее, не понимал, о чем он, потому что во все глаза смотрел на то, как странное ружье поворачивается и ствол нацеливается в меня...

Под мышкой у меня просунулась рука. Она вцепилась в пистолет-пулемет на левом боку незнакомца и рывком провернула его так, что ствол обратился назад. Безымянный палец, согнувшись крючком, лег на курок и нажал.

«Ингрэм» выстрелил – пули впились в бок мужчины, вошли ему под ребра. Ремень скрипнул, отдача качнула оружие, но Пригоршня, тяжело дышавший над самым моим ухом, еще сильнее подался вперед и разжал пальцы лишь после того, как левый бок мужчины стал напоминать кашу, а сам он повалился на спину.

– Темный! – выкрикнул Никита, и я оглох, потому что его рот все еще находился в непосредственной близости от моего уха. – Это один из них, слышишь, Химик!

– Слышу, слышу, не ори!

Оказывается, еще только замахиваясь веслом, я затаил дыхание и лишь теперь ощутил это: в груди начало жечь. Я выдохнул, вдохнул опять, присев, стал поспешно расстегивать ремни, краем глаз видя койки вдоль стен, большой железный ящик в конце прохода между ними, двери...

– Вон, сюда бегут!

– Кто бежит?

Не оборачиваясь, я сунул ружье ему в руки, схватил пистолет-пулемет и сорвал с пояса мужчины небольшую сумку.

– Темные! Они услышали... Андрюха, эта база под темной группировкой! Здесь бродяги, слышишь, психи из центра Зоны...

– Так запри двери, быстро! – велел я, наконец поворачиваясь с автоматом на изготовку.

Глава 6

Изнутри на двери и стене рядом с ней были железные «ушки», но засов отсутствовал. Напарник схватил брошенное мною весло и вставил в них.

– Сломают быстро! – крикнул я уже на бегу.

– Больше нечем!

В помещении было полутемно. Слева неподвижно лежал еще один человек в комбезе, лицом кверху и с глубокой раной на груди, а рядом, сжимая большой нож, – сталкер Горбун, весь в крови. Вдоль стен тянулись двухэтажные койки, между ними стояли тумбочки; возле противоположного конца барака виднелся большой металлический ящик, напоминающий старинный сундук с покатой крышкой. Мы успели пересечь большую часть помещения, когда позади лязгнуло, – я и Пригоршня как по команде упали, откатившись в разные стороны, он за койку, я за сундук. Тот стоял в конце прохода между двумя рядами коек. Напарник оказался ближе к двери, от которой мы бежали; встав на колени, я увидел его сгорбленную спину впереди справа. Боком я положил пистолет-пулемет на железную крышку, направив ствол на дверь. Наклонил голову к левому плечу, чтобы точным выстрелом мне не снесли макушку, вновь приподнялся, выглядывая одним глазом. По сторонам от двери было два узких окошка, и как только в одном из них мелькнула чья-то голова, я выстрелил. «Ингрэмы» легкие, поэтому разброс у них сильный, хотя этот, длинноствольный, бил точнее. Первые пули попали в стену рядом, но потом стекло в окне взорвалось. Одновременно что-то мелькнуло во втором окошке, и тут же Никита, улегшись плашмя на койку и уперев локти в ее край, выстрелил из своего диковинного ружья.

Лучше бы он этого не делал.

Сначала оружие громко загудело, а потом оглушительно взвыло. Из тонкого ствола вырвалась молния, но не такая, как нам привычно видеть в небе, а прямой, как стрела, световой стержень ярко-белого цвета. Это был не лазерный луч, почему-то я сразу решил, что оружие стреляет электроразрядами. И сейчас разряд впился в окно.

Пространство лопнуло, наступила пронзительно звенящая тишина: я оглох. Будто в немо кинофильме увидел, как вокруг лишившегося стекла оконного проема по рифленому железу зигзагами побежала трещина и стремительно описала неровный круг метрового диаметра, после чего оплавленный, почерневший участок стены выпал наружу.

В дыре сначала виднелись небо и край башни с решетчатыми тарелками, а затем возник силуэт. Постепенно звуки начали проникать сквозь ватный заслон в ушах – я уловил приглушенные шумы и неразборчивые крики. Выпрямившись на коленях, направил ствол в сторону пролома. Человек за ним поднял ружье – такое же, как у Пригоршни, – но я нажал на курок первым.

«Ингрэм» затрясся в руке; выстрелы я услышал, как отдаленный стук молотка. Пули прошли темного сталкера, он отпрянул, не успев открыть огонь, и пропал из виду.

Патроны в рожке закончились.

Я вновь услышал отдаленные крики, перевел взгляд вправо и увидел Пригоршню – он спрятался за кроватью, полуобернувшись, махал рукой и разевал рот.

– Пригнись... – угадал я по движению его губ. – Вниз, Химик! Подстрелят!

Тут из ушей будто вынули ватные тампоны – все звуки окружающего мира ворвались в голову, и в это же мгновение до меня дошел смысл происходящего. Да я же стою, подставив лоб и грудь любому стрелку, который вознамерится пальнуть из окон!

Я нырнул вниз, повернулся и сел, прижавшись спиной к сундуку. Вовремя: над головой взвизгнуло.

Но потом все стихло. Должно быть, там, за дверью, оценивали диспозицию и прикидывали, что делать дальше.

– Андрюха, ты как? – крикнул Пригоршня. – Не зацепило?

Я поднял пистолет-пулемет стволом к потолку, вытащил пустой рожок и ответил:

– Нет. Но я оглох совсем, после того как ты... Что это было? У тебя уши не свернулись?

– Я рот разинул перед этим, – ответил он. – Будто чувствовал. Все равно потрянуло сильно, но теперь уже лучше. Тут, на этой штуке, верньер есть.

Ногой я за ремень подтягивал к себе сумку, которую сорвал с пояса убитого под дверями сталкера.

– И для чего он?

– На нем «макси», «норма» и «мини» написано, так я, перед тем как пальнуть, с перепугу на «макси» поставил, ну и...

– Так на «мини» переведи! У меня чуть голова не лопнула! Это электрическое ружье какое-то, оно...

– Лезет! – перебил он. На другом конце барака загрохотал автомат.

Я к тому времени успел раскрыть сумку и как следует рассмотреть свое оружие. Приклад был телескопический, выдвижной, с плечевым упором из стальной проволоки. А в сумке оказалось два запасных магазина. Всего два! Это значит, шестьдесят четыре патрона...

Маловато будет. Я перезарядил, повернул рычажок на ствольной коробке, меняя режим стрельбы. В передней части с нее свисал короткий узкий ремешок, чтобы можно было удерживать оружие второй рукой. Я уже собрался открыть огонь, но Пригоршня опередил меня.

Должно быть, он последовал моему совету, переведя верньер в положение «мини», потому что теперь никакой молнии не было, лишь тончайшая, едва заметная нить прочертила воздух наискось, от койки до окна.

Все-таки Никита классный стрелок: он попал точно в голову того, кто поливал нас автоматным огнем. Оружие мгновенно смолкло, фигура за окном исчезла, и стало тихо.

– Ты видел? – громко спросил он. – У них «стерлинги», а еще...

– Чего? – Я не отрывал взгляда от противоположного конца барака, но пока в окнах никто не возникал. – Это еще что за киберпанковское оружие?

– Какое? Я говорю – «sterling», английские стволы, девятимиллиметровые. Они так себе, но у того, кто вот сейчас стрелял, – у него, кажись, «FN-P90». Вот это хреново, Андрюха.

– Почему? – спросил я.

– Это бельгийский пистолет-пулемет, а бельгийцы оружие всегда суперское делали. Тут, видишь, темновато, но «эфэн» при плохом освещении подсвечивает. Там этот, тритиевый источник.

– Какой? – начал я и не договорил: в обоих окнах возникли фигуры.

Нам просто повезло. Я выстрелил в окно слева, а Никита – в правое, и оба мы попали. Эти ребята решили накрыть нас залпом одновременно из электроружья и пистолета-автомата. Уж не знаю, что они там использовали сейчас, «стерлинг» или этот контрастрайковский «эфэнпэ-девятиносто», но автомат послал короткую очередь, после чего смолк, так как по меньшей мере три пули из моего «ингрэма» попали в темного сталкера. Электроружье успело выплюнуть молнию, перед тем как заряд Никиты отбросил второго от окна. Противник не попал. Должно быть, верньер на его оружии был установлен в среднем положении: громынуло не очень сильно, но и не тихо. От окна, почти перекрестившись с вылетевшей из ружья напарника световой спицей, протянулся длинный белый прут и уперся в койку над Пригоршней. И она будто взорвалась: горящие обрывки простыни взметнулись вместе с пухом из разлетевшейся в клочья подушки, после чего вся конструкция из железных труб, рамы и пружинистой сетки со скрежетом рухнула на напарника.

Поднявшись на коленях и переключив рычажок, я пустил длинную очередь, которая пересекла оба окна, дверь, описала крутую дугу и вернулась обратно. Никита выпрямился, расставив руки, поднял над собой гору железных обломков и еще тлеющих тряпок, напоминая медведя, который, проснувшись по весне, восстает из берлоги, как какой-то языческий хозяин леса. Выхватив из груды обломков ружье, напарник упал плашмя и пополз, в то время как пули из моего автомата летели прямо над ним. Добравшись до другого ряда коек, расположенного слева от сундука, он залег там.

Как только Никита вновь укрылся, я прекратил стрелять и сел за сундуком, прижавшись к нему спиной. Крикнул:

– Ты как?

– Ой, хреново.

– Задело?

– Не, щеку поцарапал и лоб ушиб. Слушай, Химик... Теперь совсем плохи наши дела.

– Ага, – сказал я, проверяя магазин. Патронов осталось три. Ну и плюс второй рожок – и все. – Видел того мужика, который под стеной возле двери лежит подстреленный? И Горбун рядом?

– Видел, а что?

– Что-что... А то, что второе тело возле водонапорной башни, которое мы тогда не признали, – не Горбун.

– Ну да, и как ты догадался?

– Вот так вот. Значит, под башней там просто какой-то сталкер-бродяга лежал. А Горбун вместе с Медведем сюда дошел, последний из ребят Курильщика, кто выжил. И темные его тут положили. Но не Медведя, потому что не видно его трупа пока.

– Ну да, так и есть, – согласился напарник, помолчал и добавил: – Если они щас сообразят из своего ружья пальнуть в этом... в положении «макси», то...

– Конец нам, – заключил я. – Мой ящик снесет к чертовой матери. Да и от койки твоей...

– Надо в те окна нырять.

Я выглянул слева от сундука. Пригоршня, стоя на коленях позади койки, сгорбившись и уперев в нее локти, целился в сторону двери.

– Те, что за нами, – добавил он, не оборачиваясь. – Или в дверь. Не видишь, заперта она? Рассмотрю, я пока окна контролирую...

– Заперта, – ответил я, приглядываясь. – Замок там навесной, большой.

– Значит, в окна...

– Там стекла целые.

– Разбей.

Я поднял «ингрэм» и дважды выстрелил.

– Готово.

– Так... – Он быстро оглянулся, вновь уставился в другой конец барака и сказал: – Так. Значит, ты первый беги. Я скомандую – сразу ноги в руки и туда. Прыгай в окно, там поворачивайся, выставляй в него ствол и целься. Как будешь готов, кричи. Я тогда тоже побегу, а ты стреляй по ним. Все понял?

– Только имей в виду, Никита, эти окна не наружу ведут, там сразу второй барак, – предупредил я. – Сейчас вот разглядел, когда стекло разбил...

Мои слова заглушил грохот и тут же – вой Никитиногo ружья. Я развернулся, вскидывая автомат, но все уже смолкло. Напарник выкрикнул:

– Еще одного срубил! Эти темные – психи совсем, без страха, лезут прям под пу... под заряды мои. Что ты сказал, Химик?

– Я сказал, эта стенка – перегородка на самом деле, она барак на две половины делит. И за ней – вторая половина.

Он помолчал.

– Ладно, неважно сейчас. Ты приготовься... Готов?

Я к тому времени успел вставить в «ингрэм» последний рожок и ответил:

– Готов.

– Так... ну... давай!!

Я вскочил. Пригоршня заорал:

– Стой, ложись обратно!!!

Но было поздно – глядя на разбитое окно слева от запертой двери, я бросился вперед.

Хорошо, что я его не послушался. Сзади раздался грохот, темные, должно быть, взорвали дверь, после чего сразу несколько их всунулись внутрь. Напарник выстрелил, и одновременно то же сделал один из сталкеров, установивший свое ружье в режим «макси».

Он попал точно в сундук, за которым я прятался мгновение назад. Тот взорвался, волна раскаленного воздуха и капель расплавленного металла ударила меня в спину, швырнула вперед. А я как раз оттолкнулся от пола, чтобы прыгнуть.

Наверное, я поставил мировой рекорд. Сзади меня будто стукнули кувалдой размером с броневик. Тело взлетело наискось от пола, как стрела, пронеслось в воздухе и, будто в центр мишени, влетело точно в середину квадратного окна. Торчащий из железной рамы осколок стекла взрезал кожу на бедре.

Рева, как раненый зверь, я свалился на пол, ударившись грудью. Ребра хрустнули, воздух с шипением вышел сквозь сжатые зубы. Из глаз полетели искры, все вокруг вспыхнуло, задрожало, перемигиваясь крошечными слепящими огоньками.

Никита... Он же еще там, за дверью... Мысль эта пришла будто откуда-то издалека – я во все глаза смотрел на то, что было прямо передо мной, всего в полуметре, занимая большую часть этой половины барака и скрывая от взгляда его противоположный конец. Спину жгло, кажется, куртка там все еще тлела. Зад болел, будто мне отвесили сильного пинка. Но Пригоршня... Он остался за перегородкой, с другой стороны, где куча сталкеров из темной группировки, почему-то вознамерившихся убить нас...

Я встал на колени. В позвоночнике хрустнуло. Выпрямился, развернувшись на каблуках, глянул в окно. И увидел, что напарник, не дождавшись моего сигнала, бежит наискось от койки, а с другого конца барака по нему палят в два ствола, и третий сталкер целится из электроружья, ведя стволом вслед за перемещающейся целью... Вскинув «ингрэм», я нажал на курок. Автомат выстрелил и смолк: заклинило. Койка, за которой раньше прятался Никита, взорвалась. Должно быть, пока я не смотрел туда, они кинули гранату, вот почему он сорвался с места.

Пригоршня свалился под стеной, приподнял голову. Ружья в его руках не было. От противоположной стороны барака к нему бежали человек пять и следом в развороченный проем лезли еще несколько.

Он поднялся, выхватив нож. Пули визжали, выбивая искры из железной стены слева и справа от него. Напарник стоял в пол-оборота ко мне, и я увидел растерянность на его лице – это был конец, их около десятка, а с ножом не полезешь на стволы, враги уже рядом, четверо или пятеро одновременно целятся в него...

– Кристалл! – заорал я так, что перекрыл грохот оружия. – Кристалл, Никита! Давай!!! – Мой голос сорвался, по горлу будто наждаком резанули.

Ряд искристых фонтанчиков прошел стену, стремительно подбираясь к напарнику. Он сорвал контейнер с карабина на ремне, распахнул крышку и поднял перед грудью. Пуля с визгом ударила в металлическую стенку. Закричав, Никита швырнул контейнер перед собой. И метнулся к перегородке.

Я увидел, как его плечо словно взрывается, когда в него попадает пуля, как в то место, где напарник только что стоял, впивается разряд из электроружья, а он прыгает в окно по другую сторону от запертой двери – и тут выпавший из контейнера кристалл сработал.

* * *

Артефакт бесшумно вспыхнул, выбросив во все стороны ртутные, с виду – мягкие, а на самом деле острые как бритва лучи. Органику они мгновенно пронзают и останавливаются не раньше, чем заполнят все пространство вокруг, лишь достигнув чего-то твердого вроде бетонных, железных или деревянных стен.

Никита уже лежал, ткнувшись лицом в пол и прикрыв голову руками. А на меня нашла моя обычная завороченность, чтоб не сказать – заторможенность. Будто в замедленной съемке, я видел сквозь окно, как в соседнем помещении расцветает кристалл, как на его лучах извиляются тела, как их разносит в разные стороны, поднимает над полом... Потом один луч дотянулся до окна и вонзился в квадрат пустого воздуха. Я машинально откинулся назад, кренясь, будто дерево на ветру, видя ртутные переливы прямо перед глазами, – откинул голову и начал падать, а луч прошел над лицом, почти вскользь, чуть не задев нос, наискось вверх... Я упал на спину. Луч уперся в потолок барака.

– Мать... мать... мать...

Я повернул голову. Никита приподнялся, держась за развороченное левое плечо. Между пальцами текла кровь. Безумными глазами глянув на меня, он облизнулся, затем, нервно пожевывая и кривя рот, привстал.

В пространстве за перегородкой наступила тишина: кристалл перестал расти. Донесся приглушенный стон и быстро смолк. Со стуком что-то упало на пол. Никита неподвижно смотрел в окно.

Я перевернулся на живот и медленно сел, прижимаясь спиной к стене. Во второй половине барака, где мы находились, дул теплый ветер и раздавалось приглушенное гудение.

– Все, – хрипло сказал напарник. – Последнего оно к потолку пригвоздило. Ты видел, какие у них у всех рожи? Вроде это арабы какие-то... Андрюха, сколько кристалл там еще будет?

– Дня три примерно, – равнодушным голосом ответил я.

– А потом что? Ты сам его видел раньше в действии?

– Видел. Потом ртуть эта растворится, стечет, как сосульки, на пол. Потом исчезнет. Трупы к этому времени разъест сильно. Слышь, Никита...

– Жалко кристалла, – перебил он. – Он же почти как око стоит, попробуй его найди!

– Никита, я говорю...

– Тыщи две, а то и три... Эх!

– Забудь о кристалле, – сказал я. – Тут у нас такая штука, из-за которой мы оба вскорости сдохнем.

– Прикалываешься, Андрюха? Давай оставим эти шутки...

– Это не шулки, а карусель, Никита.

Он повернулся и надолго замолчал. Перекрывая помещение от одной стены до другой, в сумерках барака струилась, мерцая тусклыми искрами, закручивалась спиралью огромная аномалия.

Глава 7

Давно замечено: почти в любой хреновой ситуации всегда бывает какой-нибудь пусть незначительный, но светлый момент. В данном случае им оказалась аптечка, висящая на перегородке ближе к стене.

Видя в полуметре от себя струящиеся извивы карусели, ощущая кожей лица ток теплого воздуха, насыщенного электричеством и озоном, я прошел вдоль перегородки, прижимаясь к ней спиной, раскрыл аптечку, достал посеревший от времени бинт и бутылек с перекисью водорода. Еще там была зеленка, несколько упаковок каких-то таблеток и три пластиковых шприца, полных мутной жидкости. Зеленку я оставил, а таблетки и шприцы сунул в карман.

Когда вернулся, Пригоршня сидел под дверью, расставив согнутые в колене ноги. Куртку он успел снять, от рубахи оторвал левый рукав и теперь качался взад-вперед со страдальческим выражением на лице. У меня самого жгло в спине и ныли мышцы, но все же я первым делом перевязал мученика, залив рану перекисью водорода. Пуля не вошла в мясо, лишь прошила материю и взбороздила кожу, поэтому мне и показалось, что плечо взорвалось.

Во время медицинской процедуры он морщился, кряхтел и ойкал, как ребенок.

– Что, сильно болит? – спросил я, снимая с себя куртку. Оказалось, что сзади она теперь напоминает прожженное решето.

– Сильно! Не было в той аптечке ничего такого?

Я достал один шприц, посмотрел название и сказал:

– Ого! Это ж промедол.

– Что? – простонал он.

– Опиат такой синтетический. Сильная вещь.

– Давай!

– И вредная, да. Кроме прочего, может рвота быть, голова кружиться, да и целиться трудно будет, а еще...

– Он боль снимет?

– ...При беременности его нельзя применять. Ты не беременный, Пригоршня?

– Химик! – взмолился он.

– Ну ладно, ладно.

Я свернул колпачок, вонзил иголку в предплечье и ввел лекарство.

Потом снял с себя изорванную рубашку, повернувшись к напарнику спиной, спросил:

– Что там у меня?

– Э... – протянул он после паузы. – В пяточках все в таких...

– В чем? Ну ты как ляпнешь иногда что-нибудь свое, хохловское, так без пол-литры не разберешь! Что за украинизмы, Никита?

– Никакие не украинизмы, а точки у тебя там такие черные, пятнышки и красное вокруг них... Ну, ожоги, короче, но мелкие совсем, хотя их много, и еще синяки. И ссадины. И царапины. И шрамы, но это старое...

– Окалиной меня обожгло, которая с того сундука полетела, – пояснил я, раздумывая, не вколоть ли промедол и себе, но потом решил не делать этого. Ну его, слишком сильный, в голове совсем весело станет, лучше таблетку какую-нибудь. Я полез в карман, а Пригоршня спросил, разглядывая меня затуманенными болью глазами:

– Химик, что у тебя с этим... с торсом?

– А что с ним? – спросил я, присаживаясь рядом на корточки.

– Ну, я раньше тебя без рубахи ни разу не... Ты навряд того Фредди Крюгера, был такой старый фильм. Только какая у него рожа, такое у тебя все тело.

Я склонил голову, разглядывая свои шрамы. Один, самый длинный, извилисто тянулся от правого плеча, пересекал грудь и доходил почти до пупка, разделяя надвое татуировку в области диафрагмы.

– Откуда они все? – продолжал удивляться Пригоршня.

– Выращиваю, – пояснил я, вертя в руках упаковки таблеток, и ткнул пальцем в длинный шрам. – Это мой старшенький. Любимый...

– Не, у меня тоже есть, но...

– Да ты ж, считай, новичок в Зоне. А я – чуть ли не ветеран уже, тертый. Вот меня и того... – я провел ладонью по груди. – Потерло.

Среди таблеток нашелся пенталгин, и я бросил в рот две штуки. Воды не осталось, пришлось проглотить так. Положив куртку, сел на нее, после чего мы с напарником усталились на карусель. Ее спираль-ядро с тихим гудением раскручивалось примерно в метре над полом, а выше, до самого потолка, воздух вибрировал, сквозь наполняющую пространство муть почти ничего невозможно было разглядеть.

– А я ПДА разбил, – вдруг объявил напарник и стал расстегивать ремешок. – Даже и не помню когда. Экран совсем треснул, не работает.

– Так выбрось.

– Уже, – он бросил девайс под перегородкой и добавил: – Слушай, мне кажется, или эта хрень необычная какая-то?

– Не кажется. Я сначала и не понял даже, что это карусель. Да и сейчас не очень-то уверен. Структура вроде как у нее. Обычно карусель и не разглядишь, но мы как-то изучали одну, шашку дымовую рядом подожгли, и когда она дым стала вращать, засасывать, рассмотрели как следует. Так что вроде она. Хотя...

– А разве нормально, что там огоньки эти?

– В том-то и дело, что ненормально. Это мясорубки искрят и озоном пышут, а карусели – нет.

– Так что же оно тогда такое?

Я помолчал.

– По-моему, все же карусель. Но необычной... ну, модификации. Разновидности. Или, может, она срослась с мясорубкой.

– Да разве такое бывает?

– Выходит, что да. Или нет? Не знаю я, Пригоршня!

– Но ведь кровь камня вокруг каруселей обычно вырастает?

– Где ты кровь камня увидел? – удивился я.

– Да вон, – он махнул рукой. – И не только, там еще что-то...

Должно быть, после всех приключений у меня с головой не совсем в порядке было, раз я первым их не заметил, уступив беспокойному тугодуму Никите. Но теперь я поднялся, по-прежнему прижимаясь к стене, вперил взгляд туда, куда он показал.

И присвистнул.

На стене слева метрах в трех-четырех от перегородки росли грозди артефактов под названием «кровь камня»: довольно безобразенькая красноватая штукovina, которая, насколько я понимал, состояла из всяких природных ингредиентов вроде остатков растений, земли, иногда – костей и мяса. Все это сжималось, слипалось в общую массу, полимеризировалось – это когда низкомолекулярные вещества срастаются в макромолекулы полимера... Откуда же оно здесь взялось? Я присел на корточки, потом лег, прижавшись щекой к полу. В клубящейся вокруг аномалии полутьме лежал скелет с жалкими остатками мяса и сухожилий на костях. Вот откуда карусель ингредиенты взяла... А вместо земли что-то другое использовала, к примеру верхний слой железа со стены... «Использовала». Я в который раз поймал себя на том, что думаю об аномалии как о живом существе, обладающем пусть примитивными и отличными от

человеческих, но все же оформленными устремлениями и волей. Когда приходилось непосредственно работать с артефактами, я тоже воспринимал их как организмы, да и вся Зона зачастую представляла перед мысленным взором в виде огромного разума, чье прозрачное аморфное тело расплзлось по ограниченному району на поверхности планеты, слилось с ландшафтом и само стало ландшафтом, всеми его холмами, горами, руслами рек, лугами, долинами, брошенными базами, разграбленными поселками и всем прочим, из чего состояла Зона...

– И не достать их никак, а, Химик, вот беда? – спросил знающий мою страсть Пригоршня чуть ли не издевательски.

Постаравшись сделать равнодушное лицо, я ответил:

– Да он дешевый. Курильщик за одну «кровь» не больше червонца дает. Хотя тебе артефакт не помешал бы сейчас, конечно...

– Почему?

– Он, понимаешь, раны заживает хорошо. Облучает их чем-то, и они очень быстро срастаются, кровь останавливается... Твоя б дыра на плече уже к вечеру стала бы затягиваться, если к ней бинтом кровь камня прижать. Но не достать их никак, а, Пригоршня? Вот беда...

Я подмигнул ему (страдальческое выражение уже покинуло небритое лицо напарника, оно разгладилось, а в глазах даже появился блеск), пробрался вдоль перегородки и стал разглядывать другую стену.

– Ну что? – спросил он вскоре.

Я ответил:

– Шутки шутками, а там на стене целая гроздь мясных ломтей висит. Они, правда, тоже дешевые, но вон выше... Эх!

– Что – эх?

– Там почти под потолком *душа* прилипла.

Он помолчал, вспоминая, должно быть, мои рассказы. Потом воскликнул:

– А! Мы ж ее видели один раз, Хемуль показывал, да? Такое... красно-желтое такое, вроде кровь с желтком яичным смешали? Оно, да? Ты тогда говорил, от него бодряк накачивается, правильно?

– Если б тебе душу на пояс, Никита, ты бы тут скакал, как кенгуру, до потолка, а темных голыми руками бы всех растерзал и стволы их узлами позавязывал. Правда, потом сутки пластом лежал бы и биологически постарел года на два-три, но это потом, часов через семь-восемь.

– Это круто! – откликнулся он, и что-то в голосе напарника заставило меня поглядеть на него. Он как раз повернулся ко мне, так что я увидел искрящиеся, будто пьяные глаза – ага, поплыл Никита. Нет, его не тошнило и голова не кружилась, на него промедол иначе подействовал. Главное, чтоб он теперь голову не потерял и не полез бы на эту карусель кататься...

– Ты как себя чувствуешь? – на всякий случай спросил я, возвращаясь к двери.

Пригоршня неуверенно поднял руку, коснулся лба. Сказал:

– Ну... нормально, в общем. Плечо не болит, и вообще ничего не болит. Будто онемело все, хотя вроде конечностями свободно двигаю.

– А в голове что?

– В голове... радостно в голове, – признался он. – И какой-то бред на ум всю дорогу лезет.

– Ты, главное, его контролируй.

– В смысле?

– В смысле, не поддавайся безумным мыслям. Ты должен понимать, что это бред, что он лекарством вызван, обезболивающим. Пока ты это помнишь, осознаешь – до тех пор ты его контролируешь. Пусть себе лезут всякие мысли, нужно не забывать, откуда они, тогда нормально будет.

– А, понял. Нет, я не забываю, в порядке все.

- Ну и хорошо.
- Я знаю, где мы, – объявил вдруг напарник.
- Серьезно? И где?
- Это – бродячая база.

Я поморщился.

- Типа пропавшего взвода, что ли? Опять сказочки твои...

– Не сказочки! – возразил он с вызовом. – Про базу – не такая история интересная, как про взвод, но... Вернее, тут и истории-то нету особой. Так просто: есть база, которую вояки в Зоне секретно отстроили для каких-то хитрых экспериментов. Не то они на ней свое глубоковакуумное оружие собирались усовершенствовать, не то еще чего. И в какой-то момент она у них пропала. Ну то есть исчезла вся начисто, связь оборвалась, а когда туда вертолеты послали, так только складку такую, трещину в земле увидели, узкую, но длинную и прямую необычайно. А потом, значит, база в другом месте объявилась, через год сталкеры на нее случайно наткнулись, недавно, может, несколько месяцев назад. Но уже брошенная, людей нет, и эта... обветшала вся. Как-то весть до вояк дошла, и они туда быстро опять вертолеты прислали. Высадилась команда десантников из десяти человек, осмотрели все – пусто. По рации все разобъяснили, им сказали, что сейчас спецов каких-то с Кордона пришлют, с приборами, чтоб там все измерить, – прилетают спецы... Нет базы. Исчезла вместе с десанниками, будто ее кто-то взял и в другое место перенес. Ну и так она потом то пропадала, то возникала в разных местах, но появлялась все реже.

– А темные эти, значит, – те самые десантники, которые до сих пор здесь бродят, одичалые? – спросил я.

Пригоршня помотал головой.

- Не, не похожи. Хотя кто их знает, может, и они. На одном вон берет был десантный...
- Ну тогда их темными сталкерами называть нельзя, при чем тут темные группировки?
- Да какая разница, как мы их называем? Похожи на темных – и ладно.
- Хорошо, значит, следует нам отсюда выбираться... а как – не знаю. На той стороне барака вроде дверь открытая. Кажется, свет сквозь нее падает. Но как туда попасть...

- Вдоль стен никак, да?

Я покачал головой.

- Нет. Затянет тут же.
- А до потолка не долезть? Нету там лестниц нигде?
- Нет, нету лестниц.
- Хреново это.
- Ага.

Мы помолчали.

– А я однажды видел, как мужика каруселью закрутило, – объявил напарник. – Неподалеку от бара Курильщика, кстати. Не знаю, кто это был, раньше не видел. То ли он там в карты проигрался совсем и начал буянить, а ему накостиляли, то ли еще что – без понятия. Я, в общем, сзади к ним подходил как раз, через рощу, откуда там эта карусель взялась – ума не приложу, место-то вроде чистое, всем знакомое... Но проросла, короче, за ночь. Я и не заметил, сам бы в нее попал, но тут этот полоумный выскакивает с ревом – почти голый, в ссадинах, лицо в крови, орет что-то... Выбежал, в общем, из бара и деру через рощу дал, будто за ним кровосос гонится. Сзади Кривой появился и пару парней, подручных его. А этот прям на меня бежит. Вижу, Кривой из-за спины его мне маячит: мол, удержи гаврика, у нас с ним разговор не закончен... Я как раз успел подумать: помогать им или нет? Не очень-то я Кривого люблю... Когда – бабах! – и мужик этот прям в карусель влетает. Она его в воздух сразу вздернула, закрутила, поворачивала чуток, а потом... Хорошо, ты мне уже тогда рассказывал, как карусель работает, и я на землю упал. Потому что мужика того на части... Ну, как все равно

если по ореху молотком со всей силы. Или нет, эта... – должно быть, мозги Пригоршни работали все же слегка наперекосяк под действием обезболивающего, потому что он вдруг разродился поэтическим сравнением, к которым отродясь таланта не имел: – Короче, развалился мужик на части, как мокрый батон. Надо мной так и свистнуло, хорошо, я плашмя лежал, а то б пришлось куртку новую менять, а могло и глаз выбить его почкой или там ребром – ребра-то как бумеранги разлетелись, понимаешь... А вот еще мозги его...

– Ладно, ладно, хватит! – перебил я. – Вот это самое нас и ждет, если мы вдоль стены попробуем пройти.

– А назад никак?

С этими словами напарник поднялся и выглянул в окно. Я посмотрел во второе. Нашим взглядам предстала живописная картина того, что может сотворить кристалл с человеческими телами в замкнутом пространстве. Тела эти – их там было с десятков, если не больше, – висели теперь по всему помещению на разной высоте, а некоторые вообще прижатые к потолку, нанизанные на лучи артефакта, как куриные окорока на шампур. Руки и ноги безвольно свисали к полу, обильно забрызганному кровью. Стены тоже были в крови. Неприятное зрелище, меня даже замутило слегка, потому что там виднелись не только конечности, но и внутренности. Отвернувшись, я ткнул пальцем в ртутный луч, просунувшийся сквозь окно на эту половину барака.

– Имей в виду, эти штуки хуже, чем плавники у акул.

– А какие плавники у акул?

– Я не щупал, но говорят, *наждачные* очень. А еще поверхность у лучей ядовитая. Чуть коснешься, сразу ожог, как от серной кислоты.

– Да и так ясно, что не пройти, – заключил Пригоршня. – Той стороны, где дверь, даже и не видно теперь. Что делать, Андрюха? Или тут пересидим? Сколько, ты говорил... трое суток? Не, не годится. Трое суток тут куковать, под стеной... и жрать нечего, и пить...

– К тому же карусели имеют свойство иногда спонтанно увеличиваться в размерах.

– Спонтанно... Своим ходом, что ли? Эх ты меня подбодрил! Но тогда, может... Или... Елки-палки, так что ж нам теперь делать?! – до него наконец начало доходить то, что я понял уже некоторое время назад: положение стало чуть ли не хуже, чем когда мы прятались от темных в другой части барака. Угроза иная, а так – по-прежнему ничего хорошего.

Пока напарник что-то бормотал, я вновь присел, размышляя. Когда он наконец заткнулся, сказал:

– Один выход только вижу.

– Какой? – обрадовался Никита, привыкший, что в подобных сложных ситуациях я беру на себя, так сказать, стратегическое планирование, а он – наиболее рискованную, силовую часть практического воплощения моих планов и тактическое руководство нами обоими во время этого воплощения. Такое распределение ролей устраивало и его и меня, к тому же оно до сей поры неизменно приводило к положительным результатам... В смысле, оба мы все еще были живы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.